

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 12

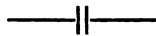
ИЮНЬ

1926 г.

Содержаніе:

Сказка о волшебномъ волчкѣ. В. Изориной съ 4 рис.	195
За цвѣткомъ папоротника. Разск. Л. Кормчаго съ 3 рис.	202
Сокровища джунглей. Изъ африканской жизни съ 4 рис.	207
Лопарь Юэль. Разск. съ 1 рис.	217
Бесѣды по исторіи русскаго искусства. Н. Ми- шеева съ 4 илл.	219
Вечеръ въ полѣ. Стихотв. В. Вячеславскаго	223
Силуэты русскихъ дѣтей. Малаецъ. Набросокъ Валерія Левитскаго	224
Кашалоты и охота за ними. Очеркъ Л. Грен- лота съ 2 рис.	225
Радио. Радио-железная дорога эфира. Очеркъ Е.Г.	227
Бой-скаутъ: Самодѣльная лодка скаута. Па- латка изъ шести палокъ и шести плащей. Какъ срубить дерево	229
Юный филателистъ	231
Страничка смѣха. Не любо — не слушай, а врать не мѣшай съ 5 рис.	232
Конкурсъ	233

Приложеніе: „Дневникъ проказника“ — листъ
12 (последній).

Съ 13-го номера новое приложеніе:
„Сѣрый домикъ“, романъ Л. Кормчаго
съ рис. худ. Г. Дайбера.

В. ИЗОРИНА.

Сказка о волшебном волчкѣ.

Въ самага края бѣдной деревушки жилъ-былъ старый дѣдъ со внучкою Аленушкой. Жили они въ ветхой да крохотной избушкѣ, что совсѣмъ на-бокъ склонилась: вотъ, того гляди, повалится.

Осталась дѣду Аленушка годовалю, и, охъ, какъ трудно было ему внучку выращивать, потому не мужицкое это дѣло. Еще спасибо теткѣ Степанидѣ, что пожалѣла его да брала къ себѣ Аленушку на день; ну, и играла она со Степанидиными ребятами, покуда дѣдъ, не покладая рукъ, работалъ.

А какъ станетъ ночь на дворъ заглядывать, — Степанида въ избу съ Аленушкой жалуетъ: «принимай, говоритъ, Аленку-то, ей спать пора укладываться, а мнѣ недосугъ, къ своимъ ребятамъ идтить надоть, потому уморились, за день бѣгавши, и спать хотятъ».

Начнетъ дѣдъ Аленушку спать укладывать, въ люлькѣ качать да пѣсни пѣть:

Байки бабайки,
Матери китайки,
Отцу кумачу,
Сестрѣ ленточку,
Братцу луковицу,
Къ пальту пуговицу.

Иной разъ и уснетъ, неча Бога гнѣвить, а иной — не приведи Господи — какъ разорется. Дѣдъ и такъ, и сякъ, и попоретъ когда малость, а она знай свое — блажить, хоть тресни.

Затянетъ тутъ ей тогда дѣдъ про сѣраго волчка, да густымъ и сердитымъ голосомъ:

Внучка, перестань блажить, —
Крикну сѣраго волчка.
Придетъ сѣренькій волчокъ,
Онъ те схватитъ за бочокъ
И потащитъ въ кабачокъ;
Онъ потащитъ въ кабачокъ
Да пропѣетъ за пятачокъ.

Страсть какъ Аленушка сѣраго волчка боялась: сейчасъ глазки за-

кроетъ, съезжится вся и уснетъ, да такъ до самаго утра и проспится.

Когда Аленушкѣ семь годовъ исполнилось, стала она кой-что въ избѣ прибирать да дѣду помогать, а въ девять годовъ совсѣмъ за настоящую хозяйку отвѣчала.

Дѣдъ не нарадуется на свою внучку; бывало, гладить ее по головкѣ да приговариваетъ:

Когда вырастешь больша,
Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь въ золотѣ ходить,
Да чисто серебро носить.

А Аленушка смѣется — заливаётся:

— Гдѣ же это, дѣдинька, золотого я найду, мнѣ и такъ ладно, прохожу въ холщевомъ сарафанѣ да въ лапоткахъ самодѣянныхъ.

— Нѣтъ, Аленушка, погоди, сыщу я тебѣ хорошаго женишка, будетъ онъ, ни дать, ни взять, какъ царевичъ Бова Королевичъ, и будешь ты ходить въ парчевыхъ сарафанахъ да въ полсапожкахъ сафьяновыхъ.

— Не надоть мнѣ ничего этого, дѣдинька; одного я хочу, чтобы подольше ты жилъ на доброе здоровье, а ужъ когда ты совсѣмъ старенькимъ станешь, то я тебя спать укладывать буду да пѣсенки пѣть, какъ ты, бывало, мнѣ пѣвалъ. Ну, ужъ коли ты блажить почнешь, то затяну я тебѣ про сѣраго волчка, чтобы ты лучше спалъ — почивалъ.

Дѣдъ такъ и покатится со смѣху:

— Ишь, вѣдь, что придумала, стрекоза ты, егоза этакая, замолола, что сорока бѣлобока; ну, виданное ли дѣло, чтобы дѣдовъ спать укладывали да пѣсни пѣли; вотъ, погоди, будешь ты своимъ ребятамъ пѣть, когда тебя дѣдъ замужъ отдастъ.

Хоть и старъ былъ дѣдъ, а былъ онъ заправскимъ кустаремъ: мастерилъ онъ ложки, плошки да всякую утварь, а иной разъ и волчки для забавы малымъ ребятишкамъ. Когда изготовитъ дѣдъ всякаго добра досталь, — покладаетъ все въ коробъ и несетъ на базаръ продавать; а назадъ за то несетъ полонъ кошель мѣдяковъ да гостинецъ въ придачу для внучки.

Шелъ разъ дѣдъ съ базара, а уже стемнѣло, и жутко ему какъ-то стало. Вдругъ, откуда ни возмись, шастъ ему что-то подъ ноги; дѣда даже въ потъ ударило. Наклонился онъ, глядитъ, а въ ногахъ котишка махонькѣй. «Что, думаетъ, за притча, откудава въ лѣсу коту взяться, ужъ не оборотень ли?»

Цыкнулъ дѣдъ на kota, дубинкой замахнулся, а котикъ въ сторону отскочилъ да жалобно, протяжно замыкалъ.

Пошелъ дѣдъ, а котъ за нимъ. Дѣдъ опять его гонить, а онъ постоитъ маленько, и какъ дѣдъ зашагаетъ, — онъ за нимъ слѣдомъ. Осѣнилъ тутъ дѣдъ себя крестнымъ знаменіемъ, молитву прочелъ, а глядь, — котъ ужъ у ногъ его трется.

«Ну, думаетъ дѣдъ, видно, и впрямь котъ, потому святого креста не побоялся». И взялъ тутъ его дѣдъ, да и бросилъ въ коробъ за спину и принесъ домой.

— Ну, внучка, — говоритъ дѣдъ, — принесъ я тебѣ въ гостинецъ живого kota. Пуцай себѣ живеть да мышовъ изводити, а то окаянныя совсѣмъ одолѣли.

Съ тѣхъ поръ такъ и жилъ у нихъ котъ Васька. Аленушка страсть какъ его полюбила, а онъ свой хлѣбъ оправдалъ, всѣхъ мышей извелъ и сталъ большущимъ котомъ. Отъ дѣда и Аленушки ни на шагъ не отходилъ: куда они, туда и онъ за ними. Такъ и стали они втроемъ жить тихо да мирно; время проходило, и исполнилось Аленушкѣ шестнадцать годовъ.

Вечеркомъ часто выходили они всѣ трое за ворота, усаживались на заваленкѣ у избы и глядѣли то на коровъ, что съ поля гнали, то на какого прохожаго человѣка; ну, и перекинется дѣдъ иной разъ съ кѣмъ добрымъ словомъ, потому и ему охота знать, что на бѣломъ свѣтѣ творится. Котъ тотъ тожъ втиснется межъ ними и сидитъ, да глядитъ, какъ будто понимаетъ, что вокругъ дѣлается, и что промежъ себя дѣдъ съ Аленушкой толкують

Коли же дѣду на утро на базаръ иди надо, то не дасть онъ Аленушкѣ досыта на заваленкѣ насидѣться, торопитъ ее страсть какъ:

— Пора, — говоритъ, — Аленушка, спать укладываться, потому завтра съ зарей вставать да на базаръ идтить,

била дѣду коробъ на спинѣ увязать и вышла съ котомъ Васькой за ворота провожать и стояла, покуда онъ съ глазъ не скрылся.

Вернулась Аленушка во избу, сѣла на лавку и принялась дѣдовъ армякъ чинить, а котъ тутъ же си-

Котикъ въ сторону отскочилъ да жалобно, протяжно замыкалъ.

а тебѣ дѣда ждать и ему щи да кашу варить.

Хоть не охота Аленушкѣ спозаранку спать ложиться, а идетъ однако, потому, того и гляди, проспшишь.

Пришелъ разъ чередъ дѣду на базаръ иди; вотъ и всталъ онъ ни свѣтъ, ни заря, и началъ въ путь-дорогу собираться, въ коробъ свой товаръ покладать, да только вывернулся у него изъ рукъ одинъ волчокъ, упалъ на полъ и по землѣ закружился. Подняла Аленушка волчокъ, оглядѣла его и видитъ, что онъ съ изъяномъ, и проситъ дѣда подарить его ей.

— Ну, — говоритъ дѣдъ, — не малое ты дите, чтобы съ волчками забавляться, да Богъ ужъ съ тобой, коли тебѣ такая охота; бери его себѣ на памятку.

Поблагодарила дѣда Аленушка, положила волчокъ на полку, подсо-

дитъ да про себя свои котовыя пѣсни поетъ. Сидитъ Аленушка себѣ да усердно работаетъ; вдругъ слышитъ, — жужжить будто что-то на полкѣ. Глянула вверхъ, а тамъ — видитъ — изо всей-то мочи волчокъ крутится. Не успѣла она глазомъ моргнуть, какъ вдругъ волчокъ скокъ, да прямо на столъ, со стола на лавку, съ лавки на-земь и дуетъ себѣ прямехонько къ порогу.

Испугалась Аленушка такъ, что изъ рукъ дѣдовъ армякъ выронила, а котъ вскочилъ на ноги, весь взъерошился, оцетинился и съ волчка глазъ не сводитъ. А волчокъ-то тѣмъ временемъ черезъ порогъ, да на волю выкатился. Катится волчокъ, а за волчкомъ котъ напружившись идетъ, а за котомъ Аленушка выступаетъ, и вышли они за ворота на улицу.

Хочетъ Аленушка закричать, добрыхъ людей позвать, чтобы удер-

жали ее, да языкъ словно отнялся, слова вымолвить не можетъ, а самое ее будто что впередъ толкаетъ, и шагаетъ она, какъ замороженная, ни на что не глядя и ничего передъ собою не видя.

Вотъ и потянулись они гуськомъ: наперво волчокъ, за волчкомъ котъ, а за котомъ Аленушка. Глядь, и поля съ дугами миновали, вотъ и перелѣсокъ прошли и входятъ въ дремучій темный лѣсъ.

Стало жутко Аленушкѣ, зубъ на зубъ не попадаетъ съ перепуга, а остановиться силъ нѣтъ, такъ и тянетъ ее впередъ, а что — невѣдомо.

Солнце надъ самой головой прошло и стало ужъ прятаться за лѣсомъ, а они все идутъ безъ передыху, безъ устали. Вышли все же въ концѣ концовъ на поляночку, а на той поляночкѣ, за каменной стѣной, за чугунными воротами стоитъ башня выточенная, и въ оконцѣ наверху огонь свѣтится.

Покатился волчокъ, да недолго думая, какъ о нихъ хватится: и растворились они настезь и пропустили ихъ во дворъ. А дворъ-то, не дай Господи, весь бурьяномъ, какъ лѣсомъ, заросъ; а по двору-то ползають жабы страшныя, громадныя и глазища таращуть на нихъ, но однакожь отъ волчка прочь уползають и худое имъ сдѣлать опасаются.

Подошли къ двери въ башню, о нихъ волчокъ тожь съ размаху ударился, и дверь пропустила ихъ въ сѣнцы. Изъ сѣней по лѣсенкѣ волчокъ взбирается, а за нимъ котъ и еле живая со страху Аленушка. Такъ и взобрались они до самаго верху, до послѣдней дверцы, что передъ волчкомъ сама собою отперлася.

Какъ вошли они въ башню, у Аленушки со страху ноги подкосились, потому видитъ она — сидитъ за столомъ на лавкѣ страшный колдунъ. Борода у него длинная да зеленая, самъ старый-престарый, волоса на головѣ во всѣ стороны торчатъ; водить онъ костлявымъ пальцемъ по черной книгѣ и бормочетъ страшныя проклятія добрымъ людямъ. Обернулся колдунъ да на

кота Ваську красными глазами своими уставился. А котъ всю шерсть, какъ ежъ, поднялъ и безъ страха на колдуна наступаетъ, а самъ протяжно да во весь голосъ мяукаетъ. Постояли они минуточку, глазами другъ друга помѣрили да потомъ какъ бросятся, — и пошла у нихъ борьба не на животь, а на смерть. Стоитъ Аленушка, трясется и видитъ, что волчокъ въ сторону откатился, повалился на бочокъ, какъ будто знаетъ онъ ничего не знаетъ.

Долго ли, коротко ли бились они такъ, — не помнила Аленушка; вдругъ только слышитъ, взвылъ колдунъ, какъ волкъ, и видитъ — палецъ весь въ крови лежитъ на землѣ, а съ пальца перстень катится.

Поняла она тутъ сразу, что это котъ Васька острыми зубами палецъ отхватилъ. А колдунъ закорчился, завылъ и на полъ повалился. Какъ упалъ колдунъ, — котъ Васька на него, да хватъ за горло и загрызъ его тутъ на-смерть. Померъ колдунъ, а Васька-котъ бросился перстенокъ искать, что въ уголь укатился. Отыскалъ онъ перстень, надѣлъ на лапу, потомъ изо всей мочи треснулся о землю, — и всталъ передъ Аленушкой пригожій, добрый молодецъ.

— Не страшись меня, Аленушка, — молвилъ молодецъ, — я сынъ купеческой, зовутъ Василюмъ, а въ котовой шкурѣ ходилъ по волѣ воть этого лихого колдуна. Теперь пойдемъ, Аленушка, скорѣе, не гоже намъ въ поганомъ мѣстѣ оставаться, налетятъ еще, того гляди, вѣдьмы на помелахъ да черти на поминки къ колдуну; къ тому же мнѣ охота скорѣе матушку спровѣдать, она живетъ здѣсь недалече; семь лѣтъ ее я не видалъ, съ тѣхъ поръ, какъ я котомъ задѣлался; но воть бѣда, Аленушка, я волшебный перстень обронилъ да потерялъ, а здѣсь такая глушь, какъ бы съ дороги намъ не сбиться, а безъ перстня какъ быть, не знаю.

Только про дорогу онъ обмолвился, какъ зажужжалъ волчокъ и закружился, — и поняли они, что волчокъ ихъ хочетъ выручать.

Прежде чѣмъ уйти, Васенька всю башню оглядѣлъ и на полочкѣ примѣтилъ пузырекъ съ водичкой и сразу же узналъ, что вода-то не простая, а живая.

— Ну, — говоритъ, — возьму живой водицы, може когда и дѣду пригодится; кабы не дѣдъ и не волчокъ, ходить бы мнѣ и посейчасъ въ какой-нибудь шкурѣ.

Скакнулъ волчокъ черезъ порогъ, и пошли они тѣмъ же путемъ-дорогою. Вышли за ворота, и махнулъ волчокъ черезъ полянку въ темный лѣсъ и по опушкѣ покатился. Свѣтилъ мѣсяцъ ясный, и шли они не опасаясь.

Разказалъ дорогой Васенька Аленушкѣ, какъ поймалъ его въ лѣсу колдунъ, какъ въ башенку привелъ и велѣлъ себѣ служить, какъ билъ его да мучилъ. Покуда онъ служилъ у колдуна, онъ за нимъ тайкомъ все примѣчалъ. Примѣтилъ онъ, какъ перстенькомъ волшебнымъ повертывалъ колдунъ на пальцѣ, и все сбывалось по его желанію. Узналъ, что на полочкѣ стоитъ вода живая, что дѣлаютъ старыхъ молодыми. Когда однажды спалъ колдунъ, хотѣлъ онъ съ пальца перстень снять, чтобы отъ колдуна уйти на волю, да пробудился злой колдунъ и обратилъ его въ kota и выгналъ прочь. Три дня ходилъ онъ по лѣсу, не ѣвши и не пивши, покуда не набрелъ на дѣда.

Все разказалъ Васенька, какъ было, и другую рѣчь повелъ:

— Выходи, — говоритъ, — Аленушка, замужъ за меня, буду я тебя холить да лелѣять и въ обиду никому не дамъ, потому давно ты мнѣ люба.

Зардѣлась вся Аленушка, потупилась, но все же согласилась, потому, хоть сто верстъ скачи кругомъ, такого другого молодца пригожаго не сыщешь.

Покуда они шли, ужъ разсвѣло, и къ ранней зазвонили; и увидалъ Васенька съ пригорка свое село родное; тутъ волчка онъ положилъ въ карманъ и, взявшись за руку съ Аленушкой, пустился, что есть мочи, по дорогѣ. Подбѣжали они къ

каменному дому, и видитъ Васенька, что сходитъ матушка съ крылечка: видно, въ церковь собралась; кинулся къ ней Васенька, а какъ увидѣла она его, такъ сразу въ немъ признала сына дорогого.

Тутъ радости ихъ не было конца: повела она ихъ въ горницы, и началъ тутъ по-порядку Васенька разказывать, какъ онъ жилъ да поживалъ у дѣда и какъ отъ дѣда и Аленушки только доброе видалъ.

Потомъ сталъ Васенька просить, чтобы благословила его матушка съ Аленушкой, потому лучше — говорить — жены мнѣ не сыскать. Матушка обрадовалась, тутъ же ихъ благословила, потому и ей самой Аленушка больно по-сердцу приплась.

Ну, поѣли, попили, маленько отдохнули, а къ вечеру стала Аленушка домой къ дѣду собираться, потому болѣло сердце, чего бы не приключилось съ дѣдомъ съ перепугу, что она изъ дому пропала.

Вышла провожать ихъ на крылечко матушка и кричитъ вдогонку:

— Безпремѣнно дѣда съ собою приводите, я ему и горенку теплую съ лежанкой отведу, пусть на ней онъ свои косточки старыя погрѣетъ.

Не малое время шли они и къ самой ночи, почитай, пришли къ дѣдову избушкѣ.

Входятъ они въ избу, глядятъ, а дѣдъ на лавкѣ лежитъ да жалобно такъ стонетъ — охаеть.

Бросилась Аленушка къ дѣду, обнимаетъ его да цѣлуетъ и разказываетъ, что съ ними за это время приключилось. Не на радуется дѣдъ глядячи на нихъ, дивится и вѣрить не хочетъ, что жилъ у нихъ Васенька замѣсто сѣраго kota.

Сварила тутъ Аленушка похлебку дѣду, накормила, уложила спать и сама рядомъ на лавкѣ улеглась, потому за цѣлый день уморилась она до-смерти.

Встала на другой день Аленушка съ солнышкомъ и слышитъ, что Васенька въ сѣнахъ уже прибирается, въ путь-дорогу снаряжается.

Стала и Аленушка въ узелъ добро свое да дѣдово связывать, а только дѣдъ не встаетъ да охаетъ во весь голосъ:

— Не дойти мнѣ, — говоритъ, — Аленушка, ступайте безъ меня съ Богомъ, потому съ перепугу у меня ноги отнялись.

— Васенька, миленькій, иди скорѣй на дѣда любоваться.

А Василій сундукъ увязываетъ и просить подсобить.

Хоть и не терпится Аленушкѣ, а все же подсобила, а потомъ бросились скорѣй въ избу. Смотрятъ, а въ избѣ-то пусто. Они туда, сюда,

Разстелеть на полу коврикъ, посадить на него дѣда...

Вспомнила тутъ Аленушка про живую водичку, что Васенька отъ колдуна принесъ, побѣжала она въ сѣнцы и просить:

— Дай дѣду, Васенька, живой водички, — страсть, какъ ему неможется, Богъ дастъ отъ водички-то и полегчаетъ.

Далъ пузырекъ Васенька и говорить:

— Смотри, Аленушка, чтобы много не пилъ дѣдъ. Дай ему самую малость, а то, не дай Богъ, не приключилось бы чего.

Принесла Аленушка водичку, даетъ дѣду пузырекъ и говорить:

— Вотъ на, дѣдинька, испей маленечко, да много не глотай, смотри, кабы чего худого не было.

Хлебнулъ живой водички дѣдъ, и видитъ Аленушка, какъ на глазахъ у ней сталъ дѣдъ дюжимъ, здоровеннымъ, распрявился весь, грудь выпятилъ, а на лысой головѣ кочна цѣлая волосъ выросла.

Всплеснула Аленушка руками и какъ стрѣла въ сѣнцы полетѣла, зоветь-кличетъ Васеньку:

— никого не видно. Что, думаютъ, за притча? Куда дѣвался дѣдъ? Кликнули — никто не отозвался; а только видятъ — на полу лежитъ дѣдова одежда, а въ одежѣ будто кто шевелится. Наклонилась Аленушка, развернула рубаху, а въ ней-то малое дитя лежитъ. Встала она, ротъ разинула и ничего понять не можетъ. А Васенька примѣтилъ, что на полу, съ одежей рядомъ, пузырекъ пустой лежитъ; тутъ онъ и смекнулъ, въ чемъ дѣло, и говоритъ Аленушкѣ:

— Экая напасть какая! Вѣдь дѣдъ-то выпилъ все до дна, ну, стало-быть, и дива нѣтъ, что сталъ младенцемъ малымъ!

Какъ услышала Аленушка да поняла, что приключилось съ дѣдомъ, такъ и заплакала, заголосила во весь голосъ:

— Ахъ, я несчастная, горемычная, что я со своимъ милымъ дѣдомъ натворила!

А Васенька затылокъ чешетъ да ее унимаетъ:

— Не плачь, Аленушка, слезами герю не поможешь, къ тому же дѣдъ самъ виноватъ, что не послушался. Запеленай-ка покрѣпче его въ рубашечку да пойдѣмъ скорѣй; мнѣ еще разъ, видно, придется сюда воротиться, на лошадекѣ приѣду и все заберу. Вѣдъ вотъ бѣда какая, думали, дѣдъ кой-что подсобить понести, а тутъ, прости Господи, еще его таци.

Какъ вышли за околицу, такъ началъ дѣдъ орать; его Аленушка и такъ, и сякъ, и покачаетъ, и прижметъ, а онъ знай себѣ ореть, не унимается.

— Да пройой ты ему пѣсенку, Аленушка, — говоритъ Васенька, — можетъ онъ и угомонится.

И затынула Аленушка:

Байки—ба—байки,
Матери китайки . . .

Всю ему пѣсенку Аленушка пропѣла, а онъ еще пуще ореть, такъ и заливается.

Вспомнила тутъ Аленушка про сѣраго волчка, что ей дѣдъ пѣвалъ, когда она по ночамъ блажила да ему спать не давала, и затынула она густымъ, сердитымъ голосомъ:

Будешь, дѣдка, ты блажить,
Крикну сѣраго волчка,
Придетъ сѣренькій волчокъ,
Онъ те хватить за бочокъ;

Онъ потащитъ въ кабачокъ
И пропѣетъ за пятачокъ.

Какъ запѣла Аленушка про волчка, открылъ дѣдъ глазки, насторожился и слушаетъ; вдругъ какъ всхлипнетъ разъ-другой, и двѣ слезинки, какъ горошинки, покатались по щекамъ. Прижался дѣдъ головой къ плечу Аленушки и уснулъ, да такъ и проспалъ до самаго дома.

Пришли домой, рассказали матушкѣ о своемъ горѣ-бѣдѣ и сдали дѣда ей на-руки. Потужили, поплакали, да дѣло молодое, все скоро забывается, къ тому же и къ свадьбѣ готовились, пекли, варили да жарили, потому и не до слезъ было.

Справили свадьбу, и стали молодые жить да поживать и дѣда съ любовью растить.

Волчка тоже въ почетѣ держали, въ серебряномъ ларцѣ хранили.

Придутъ, бывало, отъ обѣдни въ праздничный день, возьметъ Аленушка — разстелетъ на полу коврикъ, посадить на него дѣда, а Васенька вынетъ волчокъ изъ ларца, запуститъ его передъ дѣдомъ, а тотъ сидитъ на полу, руками машетъ, пузыри пускаетъ, смотритъ на волчокъ и громко, радостно кричитъ:

— Агу! Агу!

I

Смоляныя бочки, гигантскіе костры, хороводы, игры и пляски грезились намъ чуть ли не за недѣлю до Иванова дня.

И чуть ли не за недѣлю мы начали собирать горючій матеріалъ для ивановыхъ огней, образовавъ на берегу Екатерингофки цѣлый складъ разныхъ отбросовъ — отъ рваного соломеннаго тюфяка и до старыхъ галошъ включительно.

Но мысль о волшебномъ цвѣткѣ папоротника пришла неожиданно, въ самый канунъ Иванова дня.

Это было рано утромъ. Солнце только что поднялось надъ лѣскомъ Вольнаго острова и разсыпало розоватое золото въ зыби рѣчки, когда мы, выкупавшись, расположились отдохнуть на берегу.

Толь грызъ соломенку и болталъ въ воздухъ ногами. Я, лежа на спинѣ, наблюдалъ за солнечными бликами, игравшими въ листьѣ старой плакучей ивы.

— Котъ, — вдругъ спросилъ Толь, ты слыхалъ кое-что о кладахъ?

— Еще бы, — отвѣтилъ я, не мѣняя позы.

— Хорошо бы и намъ найти кладъ... А?

— Гдѣ его найдешь, — равнодушно отозвался я.

— Въ землѣ, понятно! — уже возбужденно заговорилъ Толь. — Находили же люди, почему не найти и намъ?

Я приподнялся: тема разговора начинала интересоваться меня.

Толь улыбнулся, точно привѣтствуя мое оживленіе, потомъ продолжалъ серьезно:

— Развѣ ты забылъ про папоротникъ? Помнишь, Семенъ разсказывалъ о человѣкѣ, имѣвшемъ цвѣтокъ папоротника? И тоже у Гоги — помнишь?

Толь, увлекаясь, говорилъ всегда очень сбивчиво, точно торопясь привести сразу всѣ доводы. Это не мѣшало мнѣ однако понимать его.

— Стоитъ намъ достать цвѣтокъ папоротника, — и всѣ клады, какіе только есть на землѣ, станутъ намъ доступны, — закончилъ онъ свою мысль. — Не такъ ли?

Это я тоже зналъ: столько вѣдь сказокъ разсказывалось о цвѣткѣ папоротника. Одинъ нашъ дворникъ Семенъ зналъ ихъ безчисленное количество и выдавалъ всегда за чистую правду. По секрету онъ передалъ намъ даже, что въ молодости и самъ сорвалъ цвѣтъ папоротника, испытавъ всякіе ужасы отъ «нечисти». Цвѣтокъ только потерялся у него, а то бы онъ до сихъ поръ былъ бы самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ.

Трудно было не вѣрить Семену. Трудно было и не вѣрить учителю ботаники въ гимназіи, увѣрявшему, что папоротникъ не цвѣтетъ. Твердо вѣря въ науку, мы не менѣе твердо вѣрили и семеновымъ сказкамъ. Странно такъ, точно жили въ двухъ мірахъ, не мѣшавшихъ одинъ другому. Одинъ міръ былъ серьезный, проникнутый знаніями

и сплетавшійся въ представленіи съ классами училища, таблицами растений на стѣнахъ, глобусомъ и картами; другой — безпредѣльный, красочный, полный чудеснаго и страшныхъ тайнъ. И тотъ, и другой міры одинаково существовали для насъ, — только одинъ казался сухимъ и безжизненнымъ, а другой полный трепетанія, звуковъ, солнечныхъ лучей.

И папоротниковъ было два. Одинъ — скучный представитель безцвѣтковыхъ — на таблицѣ въ классной комнатѣ; другой — живой, раскрылившій роскошные перья-листья и цвѣтушій огненнымъ цвѣтомъ въ ночь тайнъ и колдовства, въ ночь, полную огней — великую Иванову ночь.

— Ты хочешь идти сегодня за цвѣткомъ папоротника? — спросилъ я Толя, не менѣе его увлеченный этой мыслью.

— Конечно. Пойдемъ?

— Пойдемъ! Только куда?

— Надо обязательно въ лѣсъ и притомъ въ самое страшное мѣсто. Мы пойдемъ въ Черный оврагъ, — тамъ много папоротниковъ.

Черный оврагъ былъ дѣйствительно самымъ страшнымъ мѣстомъ въ Шереметевскомъ лѣсу. Среди крестьянъ ходили о немъ самые непривлекательные слухи. Суевѣрные люди полагали, что здѣсь свила себѣ прочное гнѣздо нечистая сила. Слухи эти стали особенно настойчивыми съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ самымъ оврагомъ повѣсился содержатель постоялаго двора изъ Емельяновки.

Я содрогнулся при мысли о Черномъ оврагѣ: вѣдь и днемъ мы едва рѣшались спускаться въ его мрачную глубину.

— Страшно тамъ, Толь, — вырвалось у меня.

— Да, а только это самое подходящее мѣсто. Папоротникъ тоже не вездѣ цвѣтетъ: гдѣ нѣтъ нечисти, тамъ онъ и не цвѣтетъ — жди хоть тысячу лѣтъ, не дождешься.

Противъ такого вѣскаго довода возражать не приходилось. Мы

безповоротно рѣшили отправиться именно въ Черный оврагъ. У насъ завязался очень интересный разговоръ о кладахъ и о томъ, что мы будемъ дѣлать, когда явимся обладателями волшебнаго цвѣтка.

— Намъ и уроковъ учить не нужно будетъ, — восторгался Толь: — все сами знать будемъ.

— И куда захотѣли — въ одинъ моментъ перелетѣли, — вторилъ я: — сидимъ въ классѣ, вызываютъ по латинскому, а мы — фьютъ, и улетѣли въ Америку. Вотъ-то умора будетъ!

Мы торжествовали, точно цвѣтокъ папоротника былъ уже въ нашихъ рукахъ. Передъ глазами мелькали клады. Широкая поверхность Екатерингофки, залитая солнечнымъ свѣтомъ, казалась расплавленнымъ золотомъ; тихое шуршаніе прибрежнаго тростника — волшебной пѣсней будущаго, въ которомъ такъ заманчиво улыбалась возможность, не зубря уроковъ, все знать, а вмѣстѣ съ тѣмъ безпрепятственно читать романы Майнъ-Рида, Купера, Эмара, Мариэтта.

Мы въ конецъ размечтались.

— Смотри-ка, — вдругъ прервалъ фантазію Толь, — Семень куда-то бѣжитъ. Куда это?

— Послали за чѣмъ-нибудь.

— Ну, нѣтъ, онъ не торопился бы такъ. Посмотри, какъ катить!

Дѣйствительно, черезъ поле, отдѣлявшее дачу отъ полотна желѣзной дороги, буквально бѣжалъ нашъ дворникъ. Картузь онъ держалъ въ рукахъ, и сѣдые волосы, постриженные въ скобку, развѣвались отъ вѣтра. Мнѣ никогда еще не приходилось видѣть его такимъ.

— Что-нибудь случилось, — невольно приходя въ волненіе, рѣшилъ я: — побѣжимъ къ нему, Толь!

Мы скоро нагнали старика.

— Куда, Семень? — крикнулъ ему Толь.

— Бѣда, ребята, — остававливаясь и тяжело дыша, отозвался Семень. — убийство...

— Гдѣ? — въ одинъ голосъ крикнули мы.

— Саложникова зарѣзали! Федотъ Сучковъ прибѣгалъ сейчасъ, говоритъ, уйма народу собралась тамъ. Станового ждутъ.

Мы, конечно, поспѣшили за Семеномъ къ мѣсту происшествія.

Саложниковъ, богатый крестьянинъ, старикъ 80 лѣтъ, жилъ совершенно одинокимъ съ самаго края деревни Емельяновки. Домъ его просторный и красивый, съ рѣзными коньками на крышѣ и витыми колонками у балконовъ, стоялъ поодаль отъ другихъ домовъ деревни на холмѣ, полускрытый деревьями большого сада.

Еще съ полотна желѣзной дороги увидѣли мы толпу, окружившую домъ, и слышали гулъ голосовъ.

Мы опередили Семена и протолкались сквозь толпу къ крыльцу въ надеждѣ проникнуть въ домъ: одолѣвало жуткое любопытство увидѣть убитаго. Но на крыльцѣ стоялъ урядникъ, загораживая входъ.

— Чего вамъ? — осадилъ онъ насъ.

— Посмотрѣть, — отвѣтилъ Толь.

— Пшли...

Рука съ синимъ обшлагомъ безцеремонно оттолкнула насъ.

Сконфуженные, мы ретировались. Потомъ сновали въ толпѣ, прислушиваясь къ толкамъ и пересудамъ до самаго приѣзда станового пристава.

Мрачное происшествіе отвлекло наши мысли отъ цвѣтка папоротника, и только подъ вечеръ вспомнили мы о немъ.

II.

Спать ложились у насъ обычно рано, но въ этотъ вечеръ сидѣли допоздна: убійство старика служило безконечной темой для разговоровъ. Было около 11 часовъ, когда, наконецъ, угомонились всѣ въ домѣ. Тишина оповѣстила насъ, что всѣ въ лачѣ уснули, и мы тихонько выбрались изъ кроватей.

— Только бы не опоздать! — волновался Толь, наскоро одѣваясь.

— Не опоздаемъ.

Одѣвшись, мы захватили приготовленную заранѣе вѣтку освящен-

ной вербы и чистый бѣлый платокъ: верба должна была охранять отъ нечистой силы, а въ платокъ долженъ былъ упасть волшебный цвѣтокъ. Безъ вербы и безъ чистаго платка, по увѣреніямъ Семена, нечего было и соваться за папоротникомъ.

Выбрались изъ дому черезъ окно и крадучись прошли черезъ дворъ. У воротъ мирно спали нашъ стражъ и тѣлохранитель Семень.

Перебраться черезъ заборъ было дѣломъ одной минуты, и мы очутились въ полѣ.

Отъ рѣки доносилось хороводное пѣніе, и отсвѣтъ костровъ заревомъ выбивался изъ-за холма, окутаннаго легкимъ туманомъ.

На западѣ блестѣла розовая полоска зари, и въ блѣдномъ небѣ виднѣлось всего лишь нѣсколько звѣздъ. Туманъ поднимался съ рѣки и заволакивалъ дымкой Шереметевскій лѣсъ.

Вдали вынырнула изъ тумана «кукушка» Путиловской желѣзной дороги и пронеслась, поблескивая огнями паровоза. Она скрылась снова въ туманѣ, какъ призракъ бѣлой лѣтней ночи, и только стукъ колесъ долго еще доносился до слуха, замирая постепенно.

Насъ ободряла свѣтлая ночь, и мы храбро двигались къ цѣли.

— Только не нужно бояться, — разсуждалъ Толь: — иначе ничего не выйдетъ. А чего бояться, если мы будемъ въ кругу? Въ кругъ нечистая сила не войдетъ... И еще ни за что не надо оглядываться, хоть бы тамъ что ни дѣлалось за сшиной.

Все это я хорошо зналъ изъ розсказней Семена и вѣрилъ этому. Однако сейчасъ вспомнилъ почему-то школьную науку, и вдругъ родилось противорѣчіе.

— А что, если все это сказка, Толь? Вонъ въ ботаникѣ сказано, что папоротникъ не цвѣтетъ.

— Сказано, — подтвердилъ Толь, — а кто тебѣ говорить, что каждый папоротникъ цвѣтетъ? Учителя — они-то вѣдь не ходили по оврагамъ въ Иванову ночь... Ты, можетъ

быть, скажешь, что и колдовства и кладовъ нѣтъ?

Мои сомнѣнія не заходили такъ далеко.

— Увидимъ скоро, — уклонился я отъ прямого отвѣта.

Вошли въ лѣсъ.

Блѣдный сумракъ юньской ночи смѣнился здѣсь почти непроглядной тьмой. И темнота эта сразу поглотила всѣ сомнѣнія относительно папоротника. Надъ нами шумѣли деревья, наполняя лѣсъ невнятнымъ гуломъ; въ очертаніяхъ стволовъ и пней, попадавшихся по пути, начинали мерещиться тѣни выходцевъ изъ преисподней, собравшихся караулить чудесный цвѣтокъ папоротника.

— Много, вѣрно, нечисти здѣсь сегодня, — шопотомъ произнесъ Толь.

— Да, — тоже шопотомъ отозвался я, чувствуя неприятную дрожь на спинѣ.

Наконецъ мы добрались до Чернаго оврага и остановились надъ обрывомъ.

— Давай спускаться, — не очень рѣшительнымъ голосомъ предложилъ Толь.

Въ эту минуту я былъ бы радъ очутиться подальше отъ оврага, быть хотя бы на берегу Екатерингофки, гдѣ прыгали черезъ костры парни и дѣвки. Но стыдно было сознаться въ малодушіи.

— Давай, — нехотя произнесъ я.

Мы отыскали знакомую тропинку и, держась за кусты, принялись осторожно сползать внизъ.

Полная тишина царила на днѣ оврага. Только шепталъ что-то ручеекъ, пробиравшійся сквозь дикія заросли кустарника.

Возлѣ самага ручья разрослось нѣсколько густыхъ кустовъ бузины, а среди нихъ развертывала листья-перья пышная семья папоротниковъ. Здѣсь мы и рѣшили дожидаться чудеса.

Тщательно обведя по землѣ вокругъ кустовъ освященной вербой, мы, такъ сказать, оградили себя отъ «нечистой силы» и, облегченно

вздохнувъ, усѣлись возлѣ папоротника.

Толь досталъ платокъ и разостлалъ его подъ папоротникомъ.

Мы сидѣли тихо, боясь шевельнуться. Сквозь темноту слабо вырисовывались листья папоротника, на которыхъ вотъ-вотъ долженъ былъ вспыхнуть яркимъ свѣтомъ волшебный цвѣтокъ. Боясь прозѣвать этотъ моментъ, мы замерли надъ растеніемъ, чуть дыша, даже стараясь не моргать.

Вдругъ... я похолодѣлъ весь: раздался протяжный стонъ и затихъ, прокатившись эхомъ по лѣсу.

— Слышишь, Котя? — прерывающимся шопотомъ спросилъ Толь.

— Слышу, — пролепеталъ я.

— Не оглядывайся, ради Бога!

Дрожь опять пробѣжала по моему тѣлу. Мнѣ почудилось, что кто-то протягиваетъ за моей спиной ко мнѣ страшныя руки. Я невольно подался впередъ и прижался къ плечу Толя.

Стонъ повторился, но уже не произвелъ особаго впечатлѣнія: мы узнали въ немъ крикъ совы.

Прошло не болѣе получаса, но намъ казалось, что мы цѣлую вѣчность сидимъ въ оврагѣ. Было и жутко, и охватывало нетерпѣніе.

— Что же онъ не цвѣтетъ? — задалъ я вопросъ.

Вмѣсто отвѣта Толь схватилъ меня за руку. Я почувствовалъ дрожь его пальцевъ, и страхъ холодной волной обдалъ меня.

— Слышишь?

— Что?

— Тише! Тише! Не оглядывайся.

Тутъ я услыхалъ новый звукъ. Онъ исходилъ сверху и то смолкалъ, то раздавался снова. Было похоже, что потрескиваютъ сучья подъ чьими-то ногами.

— Начинается, — шепнулъ Толь: — сейчасъ, вѣрно, зацвѣтетъ. Только ты не оглядывайся, Котя.

Я и безъ его совѣта ни за что бы не оглянулся: страшно было пошевеливаться.

Трескъ сучьевъ слышался все ближе.

— Идутъ. — (Толь подразумѣвалъ, конечно, нечистую силу, явившуюся отбивать отъ насъ волшебный цвѣтокъ.)

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Толь тоже. Оба мы въ душѣ желали быть

забытъ, — снова заговорилъ первый.

— Что же, крови не видѣлъ? Испугался? — насмѣшливо прозвучало въ отвѣтъ.

— Затмение просто... А старикъ-то никудышный оказался — задарма почти прикончили.

Убийцы не соби рались уходить.

подальше отъ этого мѣста.

— Къ намъ они не подойдутъ — мы въ кругу, — успокаивалъ меня и себя Толь: — не нужно бояться, Коть.

Теперь ясно слышались шаги. Совсѣмъ близко. Вдругъ кустъ возлѣ насъ затрясся, и кто-то упалъ на землю. Раздалось грубое ругательство:

— Провались оно — проклятое мѣсто!

Голосъ былъ грубый, сиплый и показался мнѣ немного знакомымъ.

— Чего мѣсто клясть? — отозвался другой голосъ. — Да не вставай, тутъ мы и приляжемъ.

Послышалась возня у кустовъ. Потомъ затихло все.

— А у старика-то я «фомку» свою

— Пять десятковъ тоже на землѣ не поднимешь, — былъ философскій отвѣтъ.

— Да... да... А только надобно теперь стрелкача изъ этихъ мѣстовъ давать.

У меня щелкнули зубы. Страшная догадка, что вмѣсто злыхъ духовъ явились къ намъ убійцы Сапожникова, осѣнила меня.

— Слышалъ? — шепнулъ я.

— Да. Это хуже нечистой силы. Чего насъ сюда занесло?

— Бѣжимъ!

— Ни за что. Они убьютъ насъ. Подождемъ, можетъ быть, они скоро уйдутъ.

Но они, повидимому, не собирались уходить.

Одинъ изъ убійць зажегъ спичку, чтобы закурить, и при свѣтѣ ея мы увидѣли двѣ знакомыя физиономіи, которыя часто видѣли въ порту среди босяцкаго сброда. Одна, — лишенная праваго глаза, принадлежала Ванькѣ Медочку, какъ звали его товарищи, а другая — неразлучному его другу Сашкѣ Понтику.

Мы сидѣли ни живы, ни мертвы, боясь шевельнуться, боясь малѣйшимъ шорохомъ выдать свое присутствіе.

Ванька Медочекъ докурить папиросу и швырнулъ окурокъ въ кусты. Онъ попалъ мнѣ на руку. Обмусленная бумага «цыгарки» прилипла къ тѣлу. Внѣ себя отъ отвращенія и ужаса, я стряхнулъ окурокъ и неосторожно задѣлъ за кустъ. Это выдало насъ.

Понтикъ приподнялся, раздвинулъ кусты. Мы похолодѣли и даже дышать перестали.

Мракъ скрывалъ насъ отъ взора бродяги, и мы надѣялись, что Понтикъ не найдетъ насъ. Но не тутъ было: онъ сунулъ руку въ кусты, тщательно ощупывая почву. Это была ужасная минута.

— Чего тамъ шарить? — спросилъ его пріятель.

— Шевельнулся тутъ кто-то.

— Птица, должно быть.

Но Понтикъ не удовольствовался этимъ. Онъ глубже залѣзъ въ кусты, и рука его коснулась моей ноги.

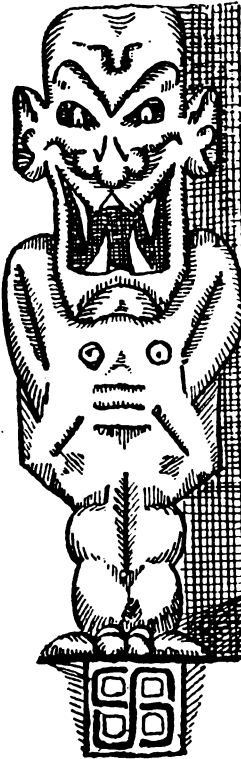
Я пронзительно вскрикнулъ отъ невыразимаго ужаса, и оба мы, точно подкинутые взрывомъ, бросились изъ кустовъ и побѣжали вдоль оврага. На бѣгу мы схватились за руки и въ паническомъ страхѣ мчались впередъ, слыша позади тревожные крики бродягъ. Мы спотыкались, падали, но тотчасъ же вскакивали снова и, не выпуская другъ друга, неслись впередъ.

Я не помню, какъ выбрались мы изъ оврага, какъ спаслись отъ бродягъ. Помню только, что оба мы, еле переводя духъ отъ усталости, добрались домой и долго тряслись всѣмъ тѣломъ, забившись съ головой подъ одеяла.

Долго помнили мы попытку добыть цвѣтокъ папоротника и навсегда потеряли охоту къ подобнымъ приключеніямъ.

Въ паническомъ страхѣ мы мчались впередъ.

Сокровища джунглей.

Разсказъ изъ африканской жизни.

Лѣсъ былъ погруженъ въ полнѣйшій мракъ. Густая листва великановъ джунглей не пропускала даже проблеска свѣта полной луны. У колеблющагося пламени маленькаго костра расположились поближе къ огню четверо рослыхъ негровъ, съ аппетитомъ поѣдавшихъ ломти мяса убитаго павиана. Гдѣ-то въ заросляхъ джунглей раздался мощный ревъ, затѣмъ — словно въ отвѣтъ — пронзительный визгъ, а потомъ снова наступила тишина. Черномазые на минуту перестали жевать и уставились въ мракъ ночи.

— Хи, хи! — обрадовался одинъ изъ негровъ. — Еще одной обезьянѣ пришелъ капнуть. Леопардъ тоже будетъ ужинать! — Всѣ снова принялись за ѣду. Ювъ, Фома и Давидъ съ аппетитомъ жлодали жилистое мясо, а Эзекииль украдкой наблюдалъ за ними изъ-за собственной порціи темнокраснаго мяса.

Эзекииль производилъ впечатлѣніе сильно изголодавшагося человѣка. Красная набедренная повязка нарядно выдѣлялась при свѣтѣ костра, подчеркивая черноту лоснящейся кожи. Вслѣдствіе своей худобы, онъ походилъ на покрытый тонкимъ слоемъ эбонитоваго дерева скелеть, и его острия колѣнки, которыя онъ грѣлъ у костра, только дополняли это сходство. На его худомъ, лишенномъ всякаго выраженія, лицѣ жили только одни глаза, сверкавшіе, какъ черныя жемчужины. Ихъ темный, пронизывающій взоръ, казалось, могъ видѣть даже сквозь мракъ джунглей.

Остальные негры казались, въ сравненіи съ Эзекииломъ, великанами и вѣсили каждый по крайней мѣрѣ вдвое больше его. Подъ лоснящейся кожей на плечахъ и на груди выдѣлялись могучіе мускулы и мышцы — результаты долгой тяжелой работы на рисовыхъ и сахарныхъ плантаціяхъ побережья. Съ ранняго дѣтства всѣ они работали подъ палящими лучами солнца, день за днемъ, сажая и собирая рисъ и сахарный тростникъ.

Но вотъ однажды изъ джунглей пришла вѣсть, что тамъ найдены золотыя и алмазныя россыпи. Двое негровъ вернулись оттуда богачами и могли начать привольное веселое житье, на зависть и удивленіе всѣмъ неграмъ, работавшимъ на плантаціяхъ.

— Чего ради намъ тутъ оставаться? — сказалъ Давидъ Фомѣ, съ которымъ онъ вмѣстѣ спрятался на минуту въ заросляхъ тростника отъ бѣлаго надсмотрщика, чтобы немножко отдохнуть.

— Не знаю, — меланхолически отвѣтилъ Фома.

— Пойдемъ лучше въ лѣсъ искать алмазы.

Это предложеніе повергло Фому въ страхъ и трепетъ. Владѣльцы плантацій постарались распространить ужасныя небылицы про джунгли и опасности, ожидавшія тамъ смѣльчаковъ. Бѣлымъ необходимо было удержать негровъ на побережья, какъ рабочую силу. Въ джунгляхъ, по ихъ разсказамъ, на каждомъ шагу встрѣчались ядовитыя змѣи, и кромѣ злокачественной лихорадки тамъ обитало еще сверхъестественное существо, по имени Додо, получеловѣкъ, полузвѣрь, который могъ тащить подъ мышкой пару негровъ, словно тростинку. Да, плантаторамъ не хотѣлось, чтобы ихъ рабочіе стали кладоискателями.

Но Давидъ и Фома рѣшили посоветоваться съ Ювомъ, великаномъ-негромъ, крещенымъ въ христіан-

ской церкви. Иова не такъ легко было запугать баснями и небылицами. Онъ хвастался, что онъ такой же христіанинъ, какъ и бѣлые, и не молится богамъ Вууду, какъ Давидъ, Фома и другіе негры. Иовъ изъявиль согласіе отправиться въ джунгли.

Эзекіиль, знахарь, извѣстный всюду подъ именемъ «докторъ Вууду», также былъ опрошенъ обоими неграми и сразу же сообразилъ, какую выгоду можно извлечь изъ чужихъ трудовъ, не ударяя палецъ о палецъ. До сихъ поръ ему удавалось вести безпечальное житье доктора Вууду, таинственнаго знахаря и колдуна, для котораго суевѣрные негры не скупились на подношенія. Но не такъ давно религіозныя собранія Вууду были запрещены въ районъ плантацій, и Эзекіилу надо было подумать о новомъ занятіи.

— Я согласенъ пойти съ вами! — заявилъ Эзекіиль торжественно. — Буду дѣлать лѣкарства Вууду, принесу счастье, найдемъ много алмазовъ. Вы меня примете въ долю. — Послѣ этого Эзекіиль воспѣвшиль разыскалъ двухъ счастлицевъ-негровъ, нашедшихъ первые алмазы, и пригласилъ ихъ въ свою хижинку на ночное поклоненіе богамъ. Онъ ухитрился при этомъ случаѣ добыть отъ нихъ множество цѣнныхъ указаній о мѣстонахожденіи розсыпей.

Фому и Давида участіе Эзекіила въ ихъ предпріятіи прямо окрылило, но Иовъ, не вѣрившій въ Вууду, предпочелъ бы получить болѣе работоспособнаго компаньона, умѣющаго и готоваго грести, копать и добывать пропитаніе.

— Эзекіиль большой колдунъ! — заявилъ Фома убѣжденно. — Съ нимъ намъ не будетъ страшно въ джунгляхъ.

Темнымъ вечеромъ всѣ четверо пробрались къ рѣкѣ и безшумно помѣстили въ челнокъ свои немногочисленные пожитки. Послѣ этого лодка направилась въ джунгли, и гребцы съ бѣшенымъ рвеніемъ гребли всю ночь напролетъ. Разсвѣтъ засталъ ихъ далеко отъ побережья,

въ глуши джунглей, когда-то бывшихъ убѣжищемъ ихъ предковъ.

Двѣ недѣли они поднимались вверхъ по илистой рѣкѣ, работая веслами, какъ неутомимые автоматы, не чувствуя ни усталости, ни палящаго зноя, думая только о сокровищахъ, ждущихъ ихъ въ неведомомъ краю. Даже Эзекіиль сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ попытокъ грести, хотя ему, какъ колдуну, полагалось только заниматься своимъ таинственнымъ ремесломъ — великой магіей. Онъ захватилъ съ собою коробъ съ фетишами, бѣлую курицу и черную утку. Вууду-докторъ безъ бѣлой курицы и безъ черной утки не былъ бы Вууду-докторъ. Самъ онъ часто внутренне посмѣивался при мысли о томъ, какъ онъ разбогатѣетъ, когда его компаньоны стануть выкапывать алмазы.

По прошествіи двухъ недѣль плаванья, Эзекіиль обнаружилъ маленькій заливчикъ у высокаго берега рѣки, и его острые ястребинные глаза открыли ему, что у впаденія заливчика въ рѣку кто-то проложилъ себѣ путь черезъ заросли кувшинокъ. Онъ рѣшилъ, что именно про этотъ заливъ, въ который впадала новая рѣчка, и рассказывали ему кладоискатели. Какъ разъ въ это время бѣлая курица колдуна снесла яйцо и громкимъ кудахтаньемъ извѣстила объ этомъ вселенную. Эзекіиль использовалъ это событіе, чтобы придать ему видъ особаго знаменія, и объявилъ, что имъ нужно свернуть въ заливчикъ.

Фома и Давидъ переглянулись, а потомъ посмотрѣли на Иова. Имъ было ниспослано знаменіе, въ знакъ благоволенія боговъ Вууду. Подъ водительствомъ Эзекіила они могли быть спокойны за удачный исходъ экспедиціи.

— Тебѣ придется скоро повѣрить въ Вууду! — усмѣхнулся Давидъ, вспоминая скептическія замѣчанія Иова.

Челнокъ повернули въ рѣчку и провели сквозь заросли кувшинокъ. Чуть выше впаденія въ рѣку, новый водяной путь круто поворачивалъ влѣво.

Не прошло и часу, какъ Эзекииль неожиданно увидѣлъ на берегу заржавленную жестянку, насаженную на палку. Это былъ знакъ, о которомъ ему сообщили болтливые негры-кладоискатели.

Челнокъ повернули въ заливъ.

Чтобы произвести подобающее впечатлѣніе на своихъ спутниковъ, Эзекииль выпустилъ свою утку на воду, и та не колеблясь поплыла къ берегу.

— Къ берегу! — скомандоваль колдунъ. — Черная утка прыгнула

за бортъ. Боги Вууду говорятъ: выходите на берегъ!

Вотъ уже двѣ недѣли Іовъ, Давидъ и Фома производили раскопки въ разныхъ мѣстахъ джунглей, но не видѣли ничего похожего на алмазы. Еще разъ перемѣнили они мѣсто лагеря и на утро рѣшили сдѣлать пробную яму въ новомъ мѣстѣ. Авось имъ посчастливится напасть на залежь алмазовъ.

— Тебѣ придется колдовать всю! — проворчалъ Давидъ, доѣвъ свою порцію мяса.

— Да, — подхватилъ Фома, — поспрошай боговъ Вууду и поскорѣе открой намъ, гдѣ спрятаны алмазы.

— Что значать твои слова: «гдѣ спрятаны алмазы?» — спросилъ колдунъ.

— Проси Вууду сказать, гдѣ мы можемъ найти алмазы! — Іовъ толь-

ко что закончилъ промывку большой кучи земли, въ которой оказалось всего двѣ-три песчинки золота. Онъ усталъ и готовъ былъ впасть въ уныніе. — Не мѣшаетъ тебѣ сегодня же вечеромъ поколдовать еще, — предложилъ онъ въ заключеніе:

— ты мастеръ лопать и ничего не дѣлаешь.

Эзекіилу не улыбался такой оборотъ бесѣды. Его клонило ко сну. Утро вечера мудренѣе, и онъ успѣлъ бы придумать выходъ изъ щекотливаго положенія. Теперь приходилось не откладывая доказать, что онъ не даромъ ѣсть. Эзекіиль выпрямилъ онѣмѣвшія колѣни и, съ трудомъ двигая костлявыми ногами, направился къ привязаннымъ подъ деревомъ вѣщимъ птицамъ. Онъ нагнулся и вырвалъ у курицы бѣлое перо, а потомъ одно черное — у утки. Вернувшись къ костру, онъ воткнулъ перья въ землю и началъ пѣть. Сперва онъ довольно уныло мурлыкалъ себѣ подъ носъ, потомъ повысилъ голосъ и наконецъ громко запѣлъ слова заклинанія. Со стороны можно было подумать, что Эзекіиль вступилъ въ перебранку съ кѣмъ-то, и трое слушателей замерли въ изумленіи.

— Давидъ, встань! — раздался неожиданно возгласъ колдуна.

Давидъ поспѣшилъ исполнить приказаніе и во весь свой гигантскій ростъ вытянулся передъ Эзекіиломъ. Колдунъ освободилъ негра отъ набедренной повязки и завязалъ ему ею плотно глаза. Затѣмъ онъ воткнулъ оба пера въ землю у ногъ негра и, прижавшись губами къ чернымъ икрамъ Давида, принялся громко сосать ихъ, время отъ времени силевывая на землю.

— Выгоняетъ злыхъ духовъ изъ Давида! — шепнулъ Фома Іову.

Пѣсня возобновилась въ ускоренномъ темпѣ. Смыслъ ея былъ понятенъ только самому Эзекіилу, а тонъ наводилъ ужасъ на бѣднаго Давида, боявшагося пошевелиться. Но вотъ его тѣло медленно покачнулась и заколебалось въ тактъ пѣснѣ. Закачались у костра и Фома и Іовъ, въ которыхъ заговорилъ первобытный инстинктъ предковъ.

Внезапно Эзекіиль громко ударилъ въ ладоши, такъ что эхо гулко разнеслось по лѣсу.

— Вууду велить Давиду идти въ джунгли! — пробормоталъ колдунъ, вскакивая на ноги. Онъ повернулъ Давида нѣсколько разъ на мѣстѣ и,

убѣдившись, что тотъ направленъ лицомъ какъ разъ въ сторону, которую они еще не изслѣдовали, далъ ему легкій пинокъ въ спину. Давидъ неувѣренной поступью направился въ лѣсъ, нащупывая дорогу громадными кулачищами. Повязка на глазахъ увеличивала его страхъ, и онъ едва-ли успѣлъ сдѣлать два десятка шаговъ, какъ запутался ногой въ заросляхъ и съ крикомъ ужаса упалъ на землю.

— Ага! — пробурчалъ Эзекіиль, рѣшившій использовать и это паденіе. — Вууду говорить, алмазы — въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ Давидъ.

Запуганный негръ сорвалъ съ глазъ повязку и хромая вернулся къ костру за лопатой. Онъ рѣшилъ сейчасъ же провѣрить слова колдуна.

— Стой! — поспѣшилъ тотъ сдерживать его пылъ. — Вууду говорить: подождать до утра!

Эзекіилу важно было выиграть нѣсколько часовъ времени и оттянуть насколько возможно результаты своего колдовства. Онъ не могъ допустить, чтобы Давидъ сразу же принялся за рытье и воочію убѣдился, много ли окажется алмазовъ въ указанномъ мѣстѣ... До утра можно было что-нибудь придумать.

Іовъ, Давидъ и Фома забрались въ свои гамаки и скоро крѣпко уснули, но самъ колдунъ не могъ сомкнуть глазъ. Онъ ломалъ себѣ голову, гдѣ могла таиться алмазная розсыпь, обогатившая первыхъ искателей. Съ другой стороны, ему было ясно, что разъ алмазы оказались гдѣ-то въ джунгляхъ, то они съ успѣхомъ могли найтись и въ другомъ мѣстѣ. Онъ рѣшилъ утромъ самъ отправиться на развѣдки и поискать слѣды стараго лагеря. Негры признались ему, что они уничтожили слѣды, но можетъ быть ему все-таки посчастливится найти какія-нибудь тайныя отмѣтки.

Громкій вой красныхъ павіановъ разбудилъ джунгли за часъ до восхода солнца, когда проблески дня только еще начинали проникать вглубь лѣсной чащи.

— Свѣтаеть! — раздался возгласъ Давида. Онъ быстро скинулъ съ себя заплатанное одѣяло и, сопровождаемый Фоמוю и Иовомъ, отправился къ мѣсту своего вчерашняго паденія. Здѣсь онъ сразу же принялся за рытье. Верхній слой земли весь проросъ корнями, но но́дъ нимъ показалаь бѣловатая глина, а затѣмъ голубая глина — клейкая и вязкая, какъ замазка.

— Земля хорошая! — прошепталь Фома. Всѣ они слышали, что алмазы всегда находили въ голубой глинѣ.

— Разумѣется! — отозвался Эзекиль. — Боги Вууду поумнѣ насъ съ тобою.

Иовъ положилъ нѣсколько пригоршней тяжелой глины въ большой плоскій желѣзный тазъ, захваченный съ собою изъ дому для промывки земли. Съ нимъ онъ направился къ рѣчкѣ и сталъ разрыхлять глину, держа тазъ чуть подъ водою. Разминая куски глины руками, онъ промываль содержимое таза водою, пока на днѣ не остались самыя тяжелыя части захваченныхъ комьевъ. Помѣшывая рукою въ тазу и зачерпывая въ него воду, Иовъ добился наконецъ того, что въ тазу остались только твердые и нерастворимые въ водѣ остатки. Это могло быть и золото, и алмазы.

Онъ выпрямился и слилъ осторожно послѣднюю воду изъ таза. Эзекиль тѣмъ временемъ не спускалъ глазъ съ Давида, который продолжалъ копать въ голубой глинѣ.

— Алмазъ! Нашель! — крикнулъ вдругъ Иовъ. Давидъ, Фома и Эзекиль устремились къ нему, увидѣвъ въ протянутой имъ навстрѣчу рукѣ драгоценный камень, ярко сверкавшій, несмотря на скудный разсвѣтъ.

— Первый разъ вижу такое! — восторженно продолжалъ Иовъ.

— Молодчина Эзекиль! — обрадовался Давидъ.

Колдунъ невольно облизнулъ языкомъ запекшіяся губы. Глаза его засверкали. Громадная тяжесть свалилась съ его души. Теперь онъ могъ ѣсть вволю.

— Самый настоящій алмазъ! — не унимался Иовъ, вертя въ рукахъ многогранный самоцвѣтный камень.

— Попробуй его на зубъ! — посоветоваль все-же Фома.

Иовъ сунулъ камень въ ротъ и попробоваль его разгрызть, но алмазъ не поддавался его зубамъ, и онъ выплюнулъ его на ладонь.

— Куда тамъ!... Значить — алмазъ!

Эзекиль чувствовалъ себя теперь совсѣмъ по иному. Признаться, всего нѣсколько часовъ назадъ онъ просто цѣпенѣлъ отъ страха при мысли, что сдѣлають съ нимъ компаньоны, если обнаружатъ его обманъ и не найдутъ сокровищъ. Ему повезло какъ утопленнику, и онъ блаженно ворочаль бѣлками. Ого-го! Теперь можно было отправиться къ лавочнику-португальцу и купить провіанта.

Давидъ снова усердно принялся за работу, а Фома взялъ второй тазъ, чтобы помочь Иову промывать глину. Только Эзекиль спокойно усѣлся на ближайшій пенъ, съ видомъ самага заправскаго пророка. Въ глубинѣ души онъ тайкомъ взываль ко всѣмъ существующимъ богамъ, моля ихъ послать ему побольше алмазовъ.

— Ишь ты, какъ блестить! — закричалъ минуту спустя Иовъ. Въ его тазу снова оказался алмазъ. Вслѣдъ за нимъ оказался алмазъ и у Фомы. — И у меня! И у меня! — вторилъ онъ. — Ей-бо! Тутъ куча алмазовъ!

Въ каждой промывкѣ оказывались алмазы. Нѣкоторые совсѣмъ маленькіе, но часто попадались камни и покрупнѣе. До полудня богатство искателей возросло до десятка крупныхъ алмазовъ и двухъ дюжинъ мелкихъ камешковъ, словно отколовшихся отъ большихъ.

— Намъ здорово подвезло! — сказаль Давидъ. — Давайте теперь отдохнемъ и снесемъ камни скупщику. Купимъ ѣды, а потомъ снова возьмемся за работу.

Его планъ всѣмъ пришелся по нраву. Поправился онъ и Эзекилу, который уже давно ломаль себѣ го-

лову, какъ бы ему увеличить свою долю въ добычѣ за счетъ своихъ компаньоновъ. Ему всегда хотѣлось большаго, чѣмъ онъ имѣлъ.

— Вотъ, что я вамъ скажу! — началъ онъ. — Скупщикъ вамъ не-

лѣе высокую цѣну, чѣмъ предложить скупщикъ.

Одинъ Іовъ не могъ примириться съ положеніемъ вещей. Кажущійся успѣхъ колдовства не убѣдилъ его, и у него не выходили изъ голо-

Эзекіиль высыпалъ алмазы на прилавокъ.

много дастъ. Вы не умѣете продавать, онъ умѣетъ обманывать. Нѣтъ, вы возьмете алмазы и спросите его, что онъ вамъ дастъ за нихъ. Не продавайте. Дайте мнѣ ихъ, я опять снесу ему, и онъ заплатитъ больше.

— Это почему? — Фомѣ все нужно было знать.

— Не твое дѣло! — Эзекіиль хитро подмигнулъ. — Я заставлю его заплатить больше.

Послѣ краткихъ переговоровъ выяснилось, что всѣ готовы получить какъ можно больше за свои сокровища, а потому Фома, Давидъ и Іовъ направились къ факторіи, чтобы оцѣнить алмазы. Продать ихъ поручалось потомъ Эзекіилу — за бо-

вы поученія христіанскихъ миссіонеровъ, но все же вѣра его была поколеблена. Если боги Вууду дѣйствительно помогли найти сокровища, то какъ же обстоитъ дѣло съ Богомъ христіанъ? Самъ Эзекіиль приписывалъ весь успѣхъ не себѣ лично, а богамъ Вууду.

Размышленія его прервали Фома и Давидъ, спѣшившіе отправиться въ факторію, и Іовъ поплелся за ними въ дальній путь.

Какъ только его компаньоны скрылись изъ виду, Эзекіиль бросился къ розсыпямъ, вырылъ кучу комьевъ глины и послѣшилъ съ ними къ рѣчкѣ. Ему повезло. Послѣ промывки въ тазу оказалось цѣлыхъ пять алмазовъ. Въ одномъ

изъ комбевъ глины онъ нашель громадный алмазь. Черезъ полчаса передъ нимъ лежала кучка изъ двадцати восьми довольно крупныхъ алмазовъ, и, не рискуя продолжать свою работу, колдунъ поставилъ лопату и тазъ на мѣсто и забрался въ свой гамакъ. Свою добычу онъ тщательно завязалъ въ тряпку и спряталъ въ набедренной повязкѣ. Когда его компаньоны вернулись, Эзекииль, повидимому, спалъ крѣпкимъ сномъ.

— Онъ давалъ намъ кучу денегъ! — крикнулъ ему Давидъ.

— Что такое? — переспросилъ колдунъ, дѣлая видъ, что только что проснулся.

— Купецъ говоритъ, что дастъ намъ сто долларовъ! — волновался Давидъ. — И чего только у него нѣтъ въ лавкѣ! Все можемъ купить! — До сихъ поръ ни одному изъ нихъ и думать не доводилось о пѣлыхъ ста долларахъ. На плантаціяхъ они получали 24 цента въ день.

Эзекииль протянулъ костлявую руку къ бутылочкѣ, въ которой находились алмазы: — Мало денегъ! — запротестовалъ онъ. — Дайте мнѣ съ нимъ говорить. Получу на двадцать пять долларовъ больше.

Давидъ передалъ ему бутылочку съ алмазами, и Фома съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на всесильнаго колдуна. Лицо Юва было непроницаемой маской. Только глаза его сверкнули ярче обыкновеннаго, когда Эзекииль отправился въ путь къ скупщику.

Факторія, построенная португальскимъ торговцемъ, состояла пока изъ простой избушки, крытой толемъ и окруженной высокимъ заборомъ. Единственные ворота вели прямо къ лавкѣ. Эзекииль отворилъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ португальцемъ. Смуглый европеецъ стоялъ за прилавкомъ и потиралъ себѣ руки.

— Добрый день, мистеръ! — приветствовалъ его Эзекииль.

— Добрый день! — отвѣтилъ португалецъ, осматривая свои вѣсы.

Эзекииль осторожно высыпалъ алмазы на прилавокъ. — Сколько я получу за нихъ?

Торговецъ тщательно взвѣсилъ алмазы. Онъ сразу же призналъ въ нихъ тѣ же самые алмазы, которые ему предлагали передъ этимъ негры, но онъ ничѣмъ не обнаружилъ своего открытія.

— Сто долларовъ! — бросилъ онъ, написавъ нѣсколько тайственныхъ выкладокъ на клочкѣ бумаги.

Эзекииль подумалъ немного, потомъ вытащилъ свой узелокъ и высыпалъ на прилавокъ кучку другихъ алмазовъ. Португалецъ наклонился надъ ними и поспѣшно сталъ перебирать камни. — Алмазы хороши! — подумалъ онъ.

— Сколько за нихъ?

Взвѣсивъ камни, торговецъ почесалъ въ затылкѣ.

— Сколько, мистеръ? — повторилъ Эзекииль свой вопросъ.

— Двѣсти долларовъ, — былъ отвѣтъ.

— Ты дашь триста пятьдесятъ за все, — потребовалъ Эзекииль.

Португалецъ набросалъ еще рядъ цифръ на бумажкѣ. — Нѣтъ, я плачу триста двадцать пять наличными!

— Ладно! — Эзекииль сразу сдался. — Давай настоящія деньги.

Португалецъ сперва спряталъ въ надежный желѣзный ящикъ алмазы, а затѣмъ отсчиталъ деньги потертыми англійскими банкнотами.

Эзекииль медленно пересчиталъ ихъ, а затѣмъ быстро повернулся и, даже не посмотрѣвъ на товары, выскочилъ на дворъ. Очутившись въ безопасности въ чащѣ лѣса, онъ остановился и снова пересчиталъ деньги. Онъ раздѣлил ихъ на двѣ пачки — одну въ 125 и другую въ 200 долларовъ. Двѣсти долларовъ онъ свернулъ въ трубочку и спряталъ въ набедренной повязкѣ, а затѣмъ поспѣшилъ къ лагерю. Подойдя къ компаньонамъ, онъ ни слова не говоря передалъ Давиду деньги. Тотъ пересчиталъ пачку.

— Вотъ здорово! — воскликнулъ тотъ. — Онъ велѣлъ купцу дать

потасили его изо всѣхъ силъ и плешнули на устрицы, а сверху положили еще травы и ждали ... Когда они сняли морскую траву, чтобы ѣсти своихъ устрицъ, просто ужасно было видѣть болѣе 1000 голодныхъ людей!

Боюсь, что для ѣды имъ осталось очень мало, кромѣ фруктоваго вина; они телеграфировали въ городъ, чтобы имъ прислали холодныхъ припасовъ. Но праздникъ былъ великолѣпенъ. Музыка играла, а когда стемнѣло, явилась куча бутербродовъ и всякой всячины; когда все было съѣдено, ожидался большой фейерверкъ; только телѣга, въ которой все находилось, вдругъ загорѣлась, и все взлетѣло на воздухъ, и это было, право, очень досадно, потому что все продолжалось не болѣе трехъ минутъ, и отдѣльныхъ фигуръ нельзя было разобрать.

Къ счастью, люди находились по другую сторону станціи, а то взорвало бы кого-нибудь. Одинъ схватилъ меня за плечо и спросилъ, не

я ли это сдѣлалъ? Онъ хотѣлъ передать меня полицейскому, но подошелъ одинъ изъ нашихъ добровольцевъ и отвелъ меня, — это былъ Чарльзъ Гринъ. Онъ посадилъ меня въ поѣздъ, заплатилъ за мой билетъ и сказалъ, чтобы я только не прозѣвалъ и вышелъ на вѣрной станціи.

— Тебѣ здѣсь нечего дольше оставаться, твоя семья будетъ безпокоиться, и для тебя опасно оставаться въ такой толкотнѣ; ты показалъ себя такимъ злоумышленникомъ, что нѣкоторые съ удовольствіемъ повѣсили бы тебя; другіе желали бы выкупать тебя въ морѣ, чтобы ты помнилъ; а третьи хотѣли, просто, заставить тебя скушать кусокъ жаренаго осла; поэтому лучше поѣзжай домой, — сказалъ Чарльзъ.

Я дѣйствительно уѣхалъ, но былъ такъ утомленъ, что заснулъ въ вагонѣ; когда я проснулся, была полночь, глубокая темная полночь, и кондукторъ сказалъ мнѣ: «Вставай, сыночекъ, мы уже въ Филадельфіи. Ты куда ѣдешь?»

Глава XXIV.

Онъ обезкураженъ.

Ни одного друга во всемъ большомъ городѣ! Ни одного пенни въ карманѣ! И къ тому же глубокая ночь! О, какъ обманчивы всѣ наши ожиданія! Я сталъ думать обо всѣхъ маленькихъ мальчикахъ, о которыхъ читалъ, что они потерялись. Я вспомнилъ, что въ этомъ самомъ городѣ былъ украденъ Чарльзъ Россъ. Кажется, со мной сдѣлался истерическій припадокъ, потому что я сталъ такъ плакать и вздыхать, какъ будто сердце мое разрывалось. Обыкновенно я стыжусь плакать: это имѣетъ такой видъ, точно я ѣби или женщина, но мнѣ ужасно хотѣлось домой, и я чуточку боялся, что случится что-нибудь, и моя бѣдная мама не увидитъ болѣе своего сына. Одна дама услышала мѣи

всхлипыванія, нагнулась ко мнѣ и сказала:

— Бѣдный маленькій мальчикъ, что случилось съ тобою, не болитъ ли у тебя животъ? Вотъ мятныя лепешки, возьми себѣ нѣсколько.

Тогда я рассказалъ ей о жареныхъ устрицахъ; какъ меня втиснули въ вагонъ, когда я хотѣлъ идти въ школу; какъ меня посадили на поѣздъ, чтобы я поѣхалъ домой, а я заснулъ, и какъ молнія пролетѣлъ мимо нашего города, не зная того; и что у меня нѣтъ денегъ, и мама будетъ безпокоиться обо мнѣ.

Она была очень добра ко мнѣ. Она предложила мнѣ идти къ ней и переночевать тамъ, а утромъ хотѣла телеграфировать папѣ, чтобы

онъ прѣхалъ за мною. Я поблагодарилъ ее очень вѣжливо, совѣмъ какъ слѣдовало, и спросилъ ее, есть ли у нея маленькіе мальчики, съ которыми я могъ бы поиграть, пока прѣдетъ мой отецъ. Она сказала, что нѣтъ.

Должно быть, она была больна, потому что, когда мы прѣхали, ее ожидала карета, и кучеръ очень почтительно снялъ шляпу, а меня онъ съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы, точно я былъ маленькій слонъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Потомъ дама сказала:

— Микель, этотъ ребенокъ заблудился, или его украли; намъ придется эту ночь позаботиться о немъ, а завтра рано утромъ телеграфировать его друзьямъ.

— Онъ хорошенькій, миленькій, маленькій мальчикъ, — сказалъ Микель, — надѣюсь, что онъ не убѣжалъ изъ дому, какъ дѣлаютъ многіе изъ нихъ.

— Я ручаюсь за него, — сказала дама.

А въ домѣ у нея было великолѣпно. О, гораздо красивѣе, чѣмъ у насъ! Она положила меня въ хорошенькую мягкую постель въ маленькой комнатѣ, около своей спальни, и оставила дверь открытой, чтобы я не чувствовалъ себя одинокимъ. Я заснулъ, должно быть, въ 5 секундъ. Ноги мои болѣли ужасно, но я былъ слишкомъ разбитъ, чтобы обращать на это вниманіе.

Когда я проснулся, было совѣмъ свѣтло; хорошенькая горничная, совѣмъ какъ Бетти, сказала мнѣ:

— Здѣсь купальня комната; барышня сказали, чтобы вы лучше сначала выкупались. Я уже приготовила ванну, вставайте и попробуйте. Барышня сказали, чтобы вы не шалили съ стеклянными кранами. Черезъ полчаса завтракъ будетъ готовъ. Когда вы одѣнетесь, идите внизъ, въ залу.

Купанье было прекрасно, только ванна такъ наполнилась горячей водой, что мнѣ скоро пришлось выскочить; я не могъ повернуть его обратно: чѣмъ больше я его вер-

тѣлъ, тѣмъ сильнѣе текла вода, а когда я одѣлся и могъ выйти позвать дѣвушку, вода текла по всему полу. Къ счастью, она какъ разъ проходила черезъ сѣни, а то испортился бы потолокъ, — дѣвушка говорить, что его только что изукрасили фресками. Боюсь, что ей было немножко трудно вытереть столько воды.

Я пошелъ внизъ, въ залу; дамы еще тамъ не было, и я сталъ смотрѣть въ окно. На тротуарѣ играла очень хорошенькая маленькая дѣвочка. Я открылъ окно, влѣзъ на него и спрыгнулъ внизъ. Она сказала: «Ой!» Потомъ спросила: «Кто ты, я не знала, что у миссъ Уардъ маленькій мальчикъ въ домѣ».

Я рассказалъ ей, какъ все случилось. Она очень пожалѣла меня, но сказала, что если я собирался идти на праздникъ, а потомъ заблудился, то мнѣ слѣдовало надѣть другое платье, а не школьное. Мы немножко поиграли, а потомъ ей нужно было идти въ школу. Я пошелъ съ нею, пока она не сказала, что мнѣ лучше бы вернуться, а то я опять потеряюсь; она показала куда мнѣ идти, но какъ я ни искалъ, однако не могъ найти дома.

Я былъ страшно голоденъ. Я держалъ, кажется, за 200 звонковъ — до все чужіе. Мученіе отъ голода становилось ужаснымъ. Какъ разъ тогда, къ моей большой радости, я увидѣлъ ее стоявшей у окна. Она покачала головою и сказала, что боится моей неискренности; я не долженъ былъ уходить — въ особенности черезъ окно — я поцарапалъ ее новыя обои, а въ окно могли влѣзть воры. Я просилъ, чтобы на этотъ разъ она простила меня. Она сказала, что этотъ разъ прощаетъ меня, и спросила меня, не хочу ли я позавтракать? Она повела меня въ столовую и сѣла за столъ, а лакей прислуживалъ намъ.

Я много рассказывалъ ей о себѣ. Она записала имя моего отца и мое. Я рассказалъ ей про Лиль и про бѣби, какъ мы собирались имъ выстрѣлить, и про то, что я испыталъ на шарѣ въ прошломъ іюль, и про

мою и мамину повѣзку на водопады, и про разныя другія вещи, а также про то, что я пишу дневникъ. Она нѣсколько разъ смѣялась, а иногда отъ ужаса всплескивала руками. Но дуракъ-лакей въ столовой такъ хохоталъ, что пуговицы съ его жилета отскочили до самой двери. Все казалось мнѣ вкуснымъ. Когда я кончилъ ѣсть, она сказала мнѣ:

«Жоржъ, я сейчасъ иду телеграфировать твоимъ, чтобы они пріѣхали и взяли тебя. Я оставлю тебя съ Питеромъ, моимъ лакеемъ; надѣюсь, ты будешь хорошимъ мальчикомъ, пока я не вернусь. Вотъ тебѣ интересная книжка для чтенія. Ты можешь остаться здѣсь въ столовой читать, пока я приду. Менѣе чѣмъ черезъ часъ я вернусь.

Она погладила меня по головѣ, дала мнѣ книгу и ушла. Питеръ убралъ со стола и пошелъ въ кладовую чистить серебро и мыть стаканы.

Столовая была хорошенькая комната. Солнце ярко освѣщало ее. Въ ней были двѣ птичьи клѣтки, и птицы весело пѣли. Любимица миссъ Уардъ, гладкая, большая, пестрая кошка, лежала на коврѣ передъ каминомъ, въ которомъ горѣлъ небольшой огонь. Читая, я наблюдалъ за тѣмъ, какъ она какъ-то особенно поглядывала на канареекъ.

Книга была очень скучная; я подумалъ, что лучше ужъ посмотреть, что будетъ дѣлать кошка. Я чуть-чуть приподнялся, открылъ дверцы клѣтки, прочиталъ еще полстраницы и опять сталъ наблюдать за кошкой. Черезъ минуту птичка вылетѣла и стала летать по комнатѣ, что ей, кажется, очень понравилось. По-моему, жестоко запираютъ птицъ въ клѣтку, гдѣ нельзя летать. Я прочиталъ еще нѣсколько строкъ, косясь однимъ глазомъ на кошку, и вдругъ она вскочила — именно тогда, когда я думалъ, что она сейчасъ заснетъ. Канарейки подняли въ клѣткѣ забавный шумъ.

Вошелъ Питеръ, но было уже поздно — противная, большая, жирная, лѣнивая пестрая кошка заду-

шила невинную птичку, такъ что перья летали кругомъ.

— Миссъ задастъ тебѣ, молодой человекъ, — сказалъ Питеръ, — это была самая лучшая пѣвунья. Это убьетъ ее, она такъ любила маленькаго Дика.

Въ это время я услышалъ, какъ отворилась дверь въ сѣняхъ. Я краснѣлъ и блѣднѣлъ. Я предпочиталъ быть дома. Миссъ Уардъ вошла улыбаясь.

— Я получила отвѣтъ, Жоржи, — сказала она, — твой отецъ пріѣдетъ съ 5-часовымъ повѣздомъ, — при этомъ взгляды ея упали на бѣдную маленькую птичку, которую Питеръ положилъ на столъ.

— Кто это сдѣлалъ? — спросила она сердито.

— Мнѣ ужасно, ужасно жаль, миссъ Уардъ; право, очень жаль. Я думалъ, что маленькій Дикъ будетъ радъ немножко полетать. Я не могу, не могу лгать. Это сдѣлала кошка, противная старая дрянь!

Она сѣла, взяла мертвую птичку и такъ плакала надъ ней, что я охотнѣе всего провалился бы сквозь землю.

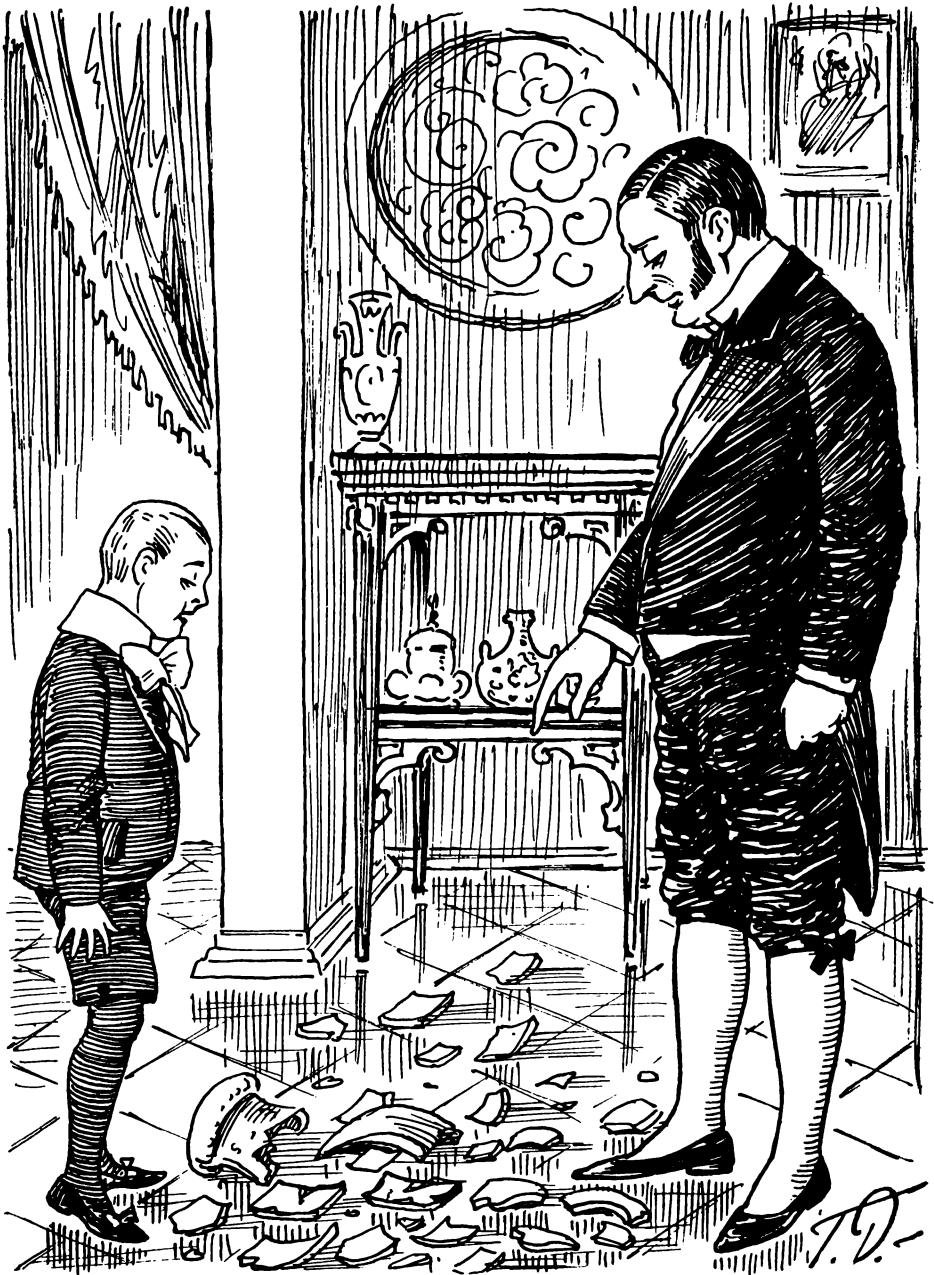
— Ты разбилъ мое сердце, Жоржъ, я жалѣю, что взяла тебя на эту ночь къ себѣ домой. Мой бѣдный Дикъ стоилъ всѣхъ злыхъ мальчиковъ на бѣломъ свѣтѣ.

Тогда я тоже сталъ плакать и рассказалъ ей, какъ часто я желаю умереть или жить на пустынномъ островѣ, чтобы не причинять столько горя моимъ друзьямъ, что я всегда стараюсь быть хорошимъ мальчикомъ, но всегда по горло уйду въ такую исторію, что мнѣ потомъ совѣстно показаться на улицѣ. Тогда она сказала, что попробуетъ еще разъ простить меня, и я спросилъ ее, почему у нея самой нѣтъ мальчиковъ, чтобы она могла привыкнуть видѣть ихъ у себя дома. Она высказала радость, что у нея ихъ нѣтъ: свои деньги она завѣщаетъ бѣднымъ язычникамъ. Въ это время пришли въ гости нѣсколько дамъ, и ей пришлось идти въ залу.

— Я не долго останусь, вотъ бумага и карандашъ; лучше рисуй!

на бумагѣ, чѣмъ мокрыми пальцами по стеклу. Попробуй какъ можно терпѣливѣе провести время; когда дамы уйдутъ, мы будемъ завтракать; не трогай больше клѣ-

похожа ея спина на географическую карту: пятна были части свѣта и острова, а бѣлыя мѣста — океаны. Надо бы проставить названія, подумалъ я. Я сильно нагрѣлъ ко-

Вотъ посмотри, мальчикъ, — сказалъ Питеръ строго.

токъ и будь хорошимъ мальчикомъ.

Я скоро изрисовалъ всю бумагу; глядя на кошку, я замѣтилъ, какъ

чергу, намѣреваясь сначала провести линіи долготы и широты, чтобы это имѣло болѣе натуральный видъ; но я едва успѣлъ провести

двѣ линіи, какъ она стала фыркать и мяукать, и Питеръ пришелъ изъ столовой посмотрѣть, откуда такой запахъ, а кошка не хотѣла сидѣть спокойно и прыгнула прямо на этажерку и сбросила голубую китайскую вазу, которая уже нѣсколько столѣтій была въ семьѣ.

— Вотъ посмотри, мальчикъ, — сказалъ Питеръ ужасно строго, — были три вещи, которыми дорожила наша барыня: канарейка, пестрая кошка и голубая ваза. Канарейка задушена, кошка опалена, а ваза разбита вдребезги. На твоемъ мѣстѣ я надѣлъ бы шляпу и на улицѣ ожидалъ бы приѣзда отца. — Онъ сказалъ это такъ серьезно и торжественно, что я задрожалъ до самыхъ пятъ. — Миссъ Уардъ очень добра, — продолжалъ онъ, — я боюсь, что она отошлетъ тебя на станцію. Если она не сдѣлаетъ этого, то, по крайней мѣрѣ, должна бы поступить такъ.

— Позволь мнѣ обождать въ кухнѣ, — сказалъ я.

— Гм... Кухарка не позволитъ болтаться у себя мальчику.

— Тогда я пойду и останусь въ своей спальнѣ, — сказалъ я. Мнѣ было слишкомъ стыдно и страшно увидѣть опять эту даму.

Я пошелъ въ свою комнату и заперся въ ней... Миссъ Уардъ пришла за мной, чтобы я пришелъ завтракать. Я закричалъ въ замочную скважину, что хочу домой и ничего не хочу ѣсть. Ей ужь, вѣр-

но, надоѣлъ такой мальчикъ: она оставила меня въ покоѣ наверху.

Потомъ она повела меня внизъ. дала мнѣ громадный кусокъ пирога, два пирожныхъ съ кремомъ и тарелку компоту, сѣла около меня и крѣпко схватила меня за руку, какъ будто я былъ змѣй и она боялась, что я улечу безъ позволенія; ровно 20 минутъ шестого позвонили, я услышалъ голосъ моего отца.

Онъ благодарилъ ее 10.000 разъ и высказалъ надежду, что я не надѣлалъ ей слишкомъ много хлопотъ; на это она отвѣчала слабой улыбкой, а онъ пристально посмотрѣлъ на меня и поблагодарилъ ее еще разъ. Я обвилъ ея шею руками, обнялъ и поцѣловалъ ее, сказавъ ей, какъ я люблю ее и какъ желаю, чтобы она поскорѣе приѣхала навѣстить меня и маму; мы оба пролили нѣсколько слезъ, и даже Питеръ пожалъ мнѣ руку.

Папа былъ всю дорогу очень серьезенъ, и я тоже. Я полагаю, онъ думалъ о томъ, что дѣлать съ такимъ дурнымъ мальчикомъ; я, между тѣмъ, удивлялся, какъ это такъ случается, что невинный ребенокъ, старающійся быть ангеломъ, всегда попадаетъ въ исторію. Мнѣ совѣстно писать въ тебѣ, милый дневникъ, о столькихъ ошибкахъ и заботахъ, а потому скажу тебѣ прости, пока не сдѣлаюсь безусловно хорошимъ ребенкомъ, такимъ, какъ тѣ хорошіе мальчики, о которыхъ написано въ книжкахъ для дѣтей.

Оглавление:

	Стр.
Глава I. Какъ онъ началъ его писать	3
„ II. Фотографическія карточки	6
„ III. Вечеръ	9
„ IV. Бѣгство	12
„ V. Маленькій фокусникъ	16
„ VI. Мистеръ Вилькинсъ ѣдетъ кататься съ его сестрой	20
„ VII. Онъ идетъ въ церковь	24
„ VIII. Онъ дѣлается разбойникомъ	28
„ IX. Послѣдняя соломинка	32
„ X. Большой успѣхъ	36
„ XI. Онъ дѣлается клептоманомъ	40
„ XII. Его исключаютъ	44
„ XIII. Боже мой, это была кошка!	48
„ XIV. Первое апрѣля	51
„ XV. Какъ онъ заслужилъ себя пони	55
„ XVI. Онъ идетъ на свадьбу	59
„ XVII. Въ львиной клѣткѣ	63
„ XVIII. Его лишаютъ наслѣдства	67
„ XIX. Фатальный опытъ	71
„ XX. На воздушномъ шарѣ	74
„ XXI. На паровозѣ	78
„ XXII. Водопады	82
„ XXIII. Онъ вмѣшивается въ политику	86
„ XXIV. Онъ обезкураженъ	89

Издательство „САЛАМАНДРА“

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

журналъ для семьи и юношества подъ общ. редакціей Л. КОРМЧАГО.

Въ годъ

24 книжки
журнала
(свыше
1000 стран.
двухстолбц.
текста) и

**бесплатныя
приложенія и
преміи**

Каждый номеръ богато иллюстрированъ оригинальными рисунками художника Г. Дайбера и Н. Пузыревскаго и содержитъ: повѣсти, рассказы, стихи, научныя статьи, описанія путешествій и приключеній, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, страничку филателиста, юморъ и т. д.

Въ годъ

24 книжки
журнала
(свыше
1000 стран.
двухстолбц.
текста) и

**бесплатныя
приложенія и
преміи**

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Е. Андрусова, С. Аничкова, В. Богдановъ (спортъ), О. Бѣлоцвѣтова, Виталій Вячеславскій, Э. Ганзенъ, Е. Гаугъ, Е. Глють, Валентинъ Горянскій, М. Гофманъ, Г. Дайберъ (художн.), Евг. Елачичъ, В. Изорина, Л. Кормчій, Валерій Левитскій, В. Лодыженскій, Н. И. Мишеевъ, Ив. Наживинъ, Н. Пузыревскій (художн.), Алексѣй Ремизовъ, Н. Фее, Тадо, Е. Хольмбо и др.

Въ журналѣ обращено особое вниманіе на борьбу съ денационализацией русскаго юношества и на воспитаніе его въ духѣ русской культуры.

Особый отдѣлъ:

Были и сказанія Руси

посвященъ исторіи Россіи и ея славному прошлому.

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“ необходимъ каждой семьѣ, заботящейся о сохраненіи въ душахъ дѣтей культурной связи съ Россіей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ въ Латвіи 12 латъ (600 руб.), въ полгода — 6 латъ (300 руб.). За границей на годъ 3 доллара 25 цент., на полгода 1 дол. 75 цент.

Адресъ редакціи и конторы:

Latvija, Riga, Valdemara ielā 63. Postkonto № 917.

Съ № 13-го въ журналѣ „Юный Читатель“
новое бесплатное приложение:

СЪРЫЙ ДОМИКЪ

Большой романъ Л. Кормчаго
съ иллюстраціями Г. Дайбера.

Романъ рисуеть полную приключеній жизнь мальчика на одномъ
изъ острововъ Прибалтики.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Новое лицо въ сѣромъ домикѣ. II. Викъ
устраивается на новомъ мѣстѣ. III. Таинственный незнакомецъ.
IV. Страшная находка. V. Въ сѣромъ домикѣ неприятности.
VI. Ночь, полная тайнъ. VII. Признаніе убійцы. VIII. Старый
знакомый въ сѣромъ домикѣ. IX. Послѣсловіе.

Романъ заключаетъ свыше 200 стр. текста и 25 иллюстрацій.

Стоимость книги въ отдѣльномъ изданіи 5 латъ (250 руб.).

≡ ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ≡

РОДИНА

Сборникъ для дѣтей и юношества
подъ редакціей о. М. БУРНАШЕВА

Изданіе Акц. О-ва
„САЛАМАНДРА“

Содержаніе: Прологъ изъ поэмы „Русланъ и Людмила“, Богатыри сѣвоторусскіе, Щелканъ Дудентьевичъ, Гришка Разстрига, О Христовѣ Вознесеніи, Стихъ о книгѣ голубиной, Слово о полку Игоревѣ, Изъ „Иного сказанія“, Воззваніе архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, Троицкая грамота, О Ершѣ Ершовѣ, сынѣ Щетинниковѣ (народная сказка), Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, Куликовская битва, Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, Праведная Ульянія Лазаревская, Мѣдный всадникъ, Передъ сраженіемъ (Л. Толстого), Сорочинская ярмарка (полностью), Бѣжинъ лугъ (полностью). **Стихи** Лермонтова, А. Толстого, К. Р. Никитина, Бувина, Некрасова, Кольцова.

60 иллюстрацій въ текстѣ съ картинъ русскихъ художниковъ:
Н. П. Богданова-Бѣльскаго, А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, С. А. Виноградова,
М. В. Добужинскаго, Б. М. Кустодіева, И. И. Левитана, Н. К. Рериха и др.

**Четыре цвѣтныхъ репродукціи съ картинъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго,
В. М. Васнецова, И. И. Левитана и В. Е. Маковского.**

Цѣна 1 латъ. Заграницей 25 ам. цент.

Продажа во всѣхъ книжн. магаз. и въ редакціи Рига, L. Kaleju ielā 43.

больше. Онъ получилъ 125 долларовъ.

— Завтра у насъ пирь! — провозгласилъ Фома. — Мы безъ тебя набрали еще алмазовъ.

Оба — и Фома и Давидъ были въ восторгъ отъ Эзекиила, который протянулъ костлявую лапу за сво-

Мѣшки были припасены на тотъ случай, если бы на нихъ въ джунгляхъ напали вампиры. Когда всё трое надѣли мѣшки, Эзекииль затянулъ свою пѣсню, которая быстро перешла въ нестройный крикъ. Самъ колдунъ не терялъ времени и быстро досталъ свернутую въ труб-

Быстро закопалъ свое богатство.

ей четвертью добычи. Онъ пересчиталъ деньги и равнодушно спряталъ ихъ.

Когда наступила ночь, онъ неожиданно для всѣхъ, по собственной почину, рѣшилъ колдовать снова. — Надѣньте мѣшки изъ-подъ муки на голову! — приказалъ онъ.

ку пачку денегъ и присоединилъ къ нимъ свою законную долю. Не переставая пѣть, онъ двинулся въ сторону отъ костра и быстро закопалъ свое богатство подъ громаднымъ деревомъ.

— Что ты тамъ колдуешь?

Вопросъ задалъ Іовъ. Эзекииль быстро вскочилъ и возвысилъ голосъ до крика. Онъ осторожно вернулся къ своему гамаку, и здѣсь голосъ его понизился до шопота. Поэтому онъ совсѣмъ умолкъ.

— Я колдовалъ, чтобы завтра найти большой алмазъ! — отвѣтилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.

Іовъ уже сдернулъ мѣшокъ съ голы. Онъ рѣшительно подошелъ къ Эзекиилу. — Слушай, почему ты колдовалъ иначе, чѣмъ вчера? Поверти меня, какъ ты вертѣлъ Давида. Я пойду въ джунгли и найду опять алмазы.

— Пускай онъ пойдетъ въ джунгли, Эзекииль! — подхватилъ Давидъ. — Теперь ты повѣрилъ въ Вууду, Іовъ.

Эзекиилу надоѣло колдовать. Онъ готовъ былъ довольствоваться первымъ успѣхомъ. — Не могу больше колдовать! — заявилъ онъ.

— Ну, нѣтъ! — запротестовалъ Іовъ. — Я хочу идти въ джунгли. — Негръ самъ завязалъ себѣ глаза обрывкомъ мѣшка, и Эзекиилу пришлось покрутить его нѣсколько разъ, на одномъ мѣстѣ, послѣ чего онъ далъ ему пинка въ спину съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ только не попалъ къ дереву, подъ которымъ былъ только что зарытъ кладъ. Эзекииль невольно вздрогнулъ, когда увидѣлъ, что Іовъ сдѣлалъ еще полъ-оборота и направился прямо къ завѣтному дереву. Минуту спустя онъ сталъ подъ деревомъ на колѣни и вытащилъ изъ ямки деньги.

— Ухъ! — кричалъ онъ неистовымъ голосомъ. — Я нашелъ, я нашелъ!

Сорвавъ съ глазъ повязку, которая впрочемъ и раньше не мѣшала ему видѣть краешкомъ глаза, онъ съ торжествомъ провозгласилъ: — я нашелъ деньги, самыя настоящія!

Съ хорошо разыграннымъ недоумѣніемъ онъ вернулся къ костру и показалъ всѣмъ свою находку. — Здѣсь двѣсти тридцать долларовъ!

Онъ не обратился прямо къ Эзе-

киилу, но слѣдилъ исподтишка за нимъ.

Фома и Давидъ осыпали его сразу кучей вопросовъ. — Какъ? Настоящія деньги? — Они не могли придти въ себя отъ изумленія.

Эзекииль потерялъ даръ рѣчи. Онъ не зналъ, что Іовъ ушибъ себѣ ногу, когда ходилъ съ товарищами въ факторію, и вернулся съ полпути къ лагерю. Здѣсь онъ къ своему изумленію увидѣлъ, какъ Эзекииль усердно занимается промывкой глины и выуживаетъ изъ таза одинъ алмазъ за другимъ. Онъ видѣлъ также, какъ хитрый колдунъ спряталъ свою добычу въ узелокъ. Іовъ не подѣлился съ Фомой и Давидомъ своимъ открытіемъ. Планъ колдуна былъ ему ясенъ, и когда Эзекииль принесъ отъ португальца только сто двадцать пять долларовъ, онъ ясно понялъ, что колдунъ присвоилъ себѣ деньги за тайно хищенные алмазы. Комедія съ мѣшками позволила ему незамѣтно прослѣдить все, что дѣлалъ колдунъ. Онъ видѣлъ, сквозь продланную въ мѣшкѣ дырку, какъ Эзекииль закопалъ деньги подъ деревомъ, и онъ безъ труда нашелъ ихъ при новомъ колдовствѣ. Хитрый колдунъ лишился не только присвоенныхъ двухсотъ долларовъ, но и принадлежавшей ему по праву четверти. Онъ не смѣлъ открыть рта, дабы отстоять свое сокровище.

Фома и Давидъ диву давались. — Эзекииль! Намъ везетъ съ тобою! — искренно сказалъ Фома. — Одно дѣло найти алмазы, но найти настоящія деньги можетъ только великій колдунъ.

— Да, боги Вууду добры къ тебѣ и къ намъ! — подтвердилъ Давидъ.

— О, да, — прибавилъ Іовъ, рѣшившій сохранить свой секретъ въ тайнѣ: — великій Эзекииль благодѣтельствовалъ насъ, бѣдняковъ.

Но пробираясь въ темнотѣ къ своему гамаку, онъ усмѣхнулся.

— Онъ думаетъ, что онъ больно хитеръ, а мы идіоты! На сей разъ онъ перехитрилъ себя самого.

Перев. Э. Ганзень.

Лопарь Иоель.

Разсказъ Ярль Бранда.

Въ лѣсахъ Финмаркена, далеко въ округѣ, лучшимъ охотникомъ на лосей былъ Иоель Инсетра. Онъ былъ лопарь и извѣстностью своею пользовался не только какъ охотникъ, но и какъ знахарь и колдунъ, а такой человѣкъ многимъ бываетъ нуженъ.

Однажды осенью въ тѣ лѣса отправился я, съ тремя товарищами, поохотиться на лосей. Иоель могъ оказать намъ хорошую помощь. Говорили, что, сидя у себя дома, онъ могъ сказать, по какой сторонѣ долины проходилъ сегодня лось.

Тяжело нагруженные, съ двумя беспокойными собаками, послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленнаго хода, пришли мы наконецъ подѣ вечеръ къ жилищу Иоеля.

Домъ его былъ очень старый, маленькій, лишь о пяти бревнахъ въ стѣнѣ; правда, бревна въ старину были огромныя. Съ солнечной стороны они такъ растрескались, что въ трещины можно было вложить руку.

Мѣшки свои мы сняли и оставили на крылечкѣ, повидимому, пристроенномъ много позднѣе. Собакъ же взяли съ собою въ домъ. Войдя, мы увидали двухъ согбенныхъ стариковъ, сидящихъ у пылающаго очага и курящихъ черныя трубки. Съ перваго взгляда они показались намъ одинаково старыми, но потомъ мы разглядѣли, что это отецъ и сынъ.

Иоель, старшій изъ нихъ, всталъ и привѣтствовалъ насъ рукою:

— Вы, вѣрно, тѣ, что хотѣли поохотиться на лосей въ нашихъ лѣсахъ, — милости просимъ. — Онъ подвинулъ къ огню сидѣние изъ толстаго обрубка дерева и попросилъ насъ сѣсть. Младшій изъ стариковъ началъ возиться съ кофейникомъ.

Когда мы усѣлись, Иоель сталъ разспрашивать о городскихъ новостяхъ. Онъ съ видимой гордостью разсказалъ, что тоже бывалъ тамъ, но мы поняли, что это было давно,

такъ какъ онъ еще ѣздилъ на конкѣ. Изъ этого мы заключили, что многое можетъ имѣть для стариковъ интересъ новизны и подробно разсказывали о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ. Вѣдь газетъ они, повидимому, не читали. Подѣ конецъ рѣчь зашла о ружьяхъ, и мы показали наше современное оружіе. Иоель снисходительно пожалъ плечами, увидавъ маленькія никелевыя пули. Онъ ни во что не вѣрилъ, кромѣ своего долговольнаго ружья съ отлитыми дома круглыми пулями, величиною съ орѣхъ.

Въ это время вскипѣлъ кофе, и я вышелъ на крыльцо, чтобы принести мѣшокъ съ провизіей. Я внимательно обыскалъ крыльцо, но моего мѣшка не было. Я вошелъ къ Иоелю и сообщилъ, что мѣшокъ, повидимому, украденъ и что я хочу пустить собакъ по слѣду. Но Иоель совершенно спокойно отнесся къ этому и сказалъ: «не стоитъ, мы найдемъ». Онъ направился къ ларю, вытащилъ изъ него тигль для плавленія и немного свинца, поставилъ тигль на огонь, положилъ въ него свинецъ и возвратился къ ларю. Досталъ краюху хлѣба, середину ея выдолбилъ такъ, что образовалось подобіе воронки съ отверстиемъ въ днѣ. Затѣмъ онъ наполнилъ деревянную чашку водою и отставилъ ее въ сторону. За это время свинецъ растаялъ. Иоель взялся за ручку тигля, обернувъ ее тряпкой, чтобы не обжечься, и вылилъ расплавленный свинецъ черезъ краюху въ воду, гдѣ онъ съ шипѣніемъ принялъ видъ фантастическаго комка.

Я смотрѣлъ на Иоеля, — его старое въ тысячахъ морщинокъ лицо словно порывами шевелилось, узкій ротъ двигался, какъ будто онъ говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ.

Я зналъ, что Иоель лопарь, и я слышалъ, что онъ знаетъ много больше, чѣмъ Отче Нашъ. Я убѣдился въ этомъ, когда онъ выпрямился и посмотрѣлъ на меня. Его

карие, жесткіе глаза словно жгли, когда онъ сказалъ:

— Посмотри сквозь отверстіе въ воду и увидишь того, кто укралъ твой мѣшокъ.

Мнѣ было теперь какъ-то не по себѣ отъ этой игры, но все-таки интересовало узнать, на что онъ способенъ.

«Попробую, хотя и противно», — подумалъ я, взялъ хлѣбъ и сталъ смотрѣть въ воду.

Сначала я ничего не замѣчалъ, но вотъ вода какъ бы стала подергиваться, и я увидалъ ясно изображеніе человѣка съ бородой, въ большой шляпѣ.

Я рассказалъ это Іоелю.

— Это воръ, хочешь я возьму у него глазъ? — замѣтилъ онъ.

Такъ какъ я нашелъ, что это варварство, лишать человѣка глаза изъ-за украденнаго мѣшка, то Іоель попросилъ у меня позволенія отнять у него его самое маленькое животное.

Я только кивнулъ, такъ какъ языкъ мой совершенно высохъ во рту. Онъ досталъ откуда-то острый пруть. Я не сводилъ съ него глазъ. Вотъ ротъ его опять такъ же зашевелился, и глаза сузились, словно вся его энергія сосредоточилась въ нихъ. Онъ взялъ чашку, сунулъ въ нее пруть, и мнѣ совершенно ясно послышалось какъ бы хрипѣніе. Лицо его снова приняло обычное выраженіе, онъ убралъ свои колдовскія принадлежности и попросилъ насъ съѣсть и отвѣдать его угощенія.

Послѣ далекой дороги, ѣда показала намъ великолѣпной, и мы сдѣлали ей честь. Послѣ этого выпили чернаго кофе и рассказывали другъ другу весь вечеръ охотничьи исторіи.

Все колдовство почти забылось, но на слѣдующее утро оно совсѣмъ неожиданно напомнило о себѣ.

Мальчикъ лопарь.

Изъ сосѣдней избы пришелъ маленькій мальчикъ и попросилъ занять немного кофе, пока они купятъ его у купца.

Вдругъ мальчикъ говорить:

— Представьте, что у насъ вчера случилось: наша большая черная кошка шла по полу и вдругъ какъ взвонится и околѣла сразу!

Іоель посмотрѣлъ на меня, затѣмъ сказалъ мальчику:

— Скажи отцу, чтобы онъ принесъ мѣшокъ этого человѣка.

Когда мы на слѣдующее утро вышли на крыльцо, мѣшокъ мой стоялъ тамъ.

Съ норвежскаго Э. Х.

Бесѣды по исторіи русскаго искусства.

Н. И. Мишеевъ.

Бесѣда девятая.

Художники: А. К. Саврасовъ, Ф. А. Васильевъ, И. И. Шишкинъ,
И. И. Левитанъ, А. И. Куинджи.

Вы знаете уже, что называемъ мы «пейзажною живописью». Вы также помните художника С. Щедрина, который рисовалъ красивыя мѣста Италіи. Но до сихъ поръ мы не

крылись глаза на природу ихъ родного края.

Много, очень много удѣлили вниманія русскіе художники природѣ своей родины. Мы, конечно, не мо-

А. К. Саврасовъ. Грачи прилетѣли.

знали еще ни одного художника, который давалъ бы намъ картины русской природы. Эту природу художники считали долгое время слишкомъ простой, обыкновенной, не видѣли въ ней никакой красоты и потому не обращали на нее никакого вниманія.

Наконецъ, пришло время, когда у нашихъ художниковъ вдругъ от-

жемъ останавливаться на всѣхъ, кто рисовалъ родной пейзажъ. Познакомимся только съ нѣкоторыми, наиболѣе извѣстными въ этой области.

Однимъ изъ первыхъ надо назвать А. К. Саврасова (1830—1897), знаменитаго своей картиной «Грачи прилетѣли» (см. рисун.). Тщательно всмотритесь въ нее. На первый

взглядъ ничего особеннаго: убогіи сельскій задворокъ, кривыя березы съ птичьими гнѣздами, весеннія лужи у старыхъ заборовъ, и только. Но развѣ вы не чувствуете, что все это русское, что во всемъ этомъ слышится голосъ русской природы и поэзія начинающейся русской весны?

Залопнимъ, что въ исторіи русскаго искусства, именно, пейзажной живописи, картина Саврасова «Грачи прилетѣли» имѣетъ громадное значеніе. Эта картина заставила нашихъ художниковъ бросить рисовать Италію и только красивые виды съ разными тамъ развалинами замковъ, виллъ, дворцовъ, что они дѣлали до сихъ поръ; теперь они, какъ я уже выше замѣтилъ, обратились къ простой, скромной и величавой родной природѣ.

Одновременно съ Саврасовымъ выступилъ и другой художникъ Ф. А. Васильевъ. Онъ жилъ очень недолго — только 23 г. (1850—1873), но имѣлъ большое значеніе въ русской живописи. Мы помѣщаемъ его «Мокрый лугъ». Какой это знакомый каждому русскому человѣку видъ! Темно-сѣрыя облака покрыли небо. Подъ нимъ — прозрачная полоса воды. Группа деревьевъ. Мокрая трава, среди которой блеститъ вода. Чувствуется тишина надъ лугомъ и вокругъ него. Спокойствіемъ вѣетъ отъ этой небольшой, но милой картинки.

Очень извѣстнымъ пейзажистомъ былъ И. И. Шишкинъ (1831—1899). Этому художнику многіе подражали. Онъ прославился своими картинами лѣса, среди которыхъ одна изъ лучшихъ «Корабельная роща». Шишкинъ не рисовалъ лѣса страшнаго, сказочнаго, нѣтъ, — онъ былъ реалистъ, т. е. онъ ничего не выдумывалъ, а писалъ то, что видѣлъ. Мы, напр., знаемъ, что онъ тщательно изучалъ особенности каждаго дерева, вслѣдствіе чего по его картинѣ всякій опытный агрономъ можетъ легко опредѣлить точный составъ почвы, гдѣ растетъ то или другое дерево, нарисованное этимъ художникомъ. вмѣстѣ съ

тѣмъ, Шишкинъ такъ рисовалъ, что на его картинахъ чувствуется всегда настоящій лѣсъ съ его вѣковыми соснами, съ поросшимъ густымъ мхомъ, валежникомъ. Все это вы можете увидѣть на картинѣ «Корабельная роща».

Совсѣмъ не похожъ на него знаменитый пейзажистъ И. И. Левитанъ (1861—1900). Ему много пришлось перенести горя, страданій въ своей жизни. Въ дѣтствѣ онъ былъ оставленнымъ, покинутымъ всѣми ребенкомъ, сиротой. Часто и много голодалъ. Не имѣлъ пристанища. Но талантъ побѣдилъ все. Онъ окончилъ успѣшно Московское Училище Живописи. Потомъ хорошие и добрые люди помогли ему, и онъ сдѣлался великимъ художникомъ. Но тяжелое дѣтство подорвало его физическія силы. Онъ заболѣлъ мучительною болѣзней сердца, которая сказывалась на его душевныхъ переживаніяхъ.

Въ его картинахъ много поэтическаго, очень скорбнаго чувства, чувства тоски, печали, одиночества. Вотъ, на примѣръ, его всѣмъ извѣстная картина «Надъ вѣчнымъ покоемъ» (см. рис.). На горѣ стоитъ небольшая деревянная старая церковка, вокругъ которой кладбище. А внизу, тамъ, въ далекой дали — вода, равнина... Надъ ними клубятся тяжелыя тучи... Въ картинѣ много настроенія. Чувствуется заброшенность мѣста, полное его одиночество, разлитая грусть. Никто сюда почти не заглядываетъ. Никто не посѣщаетъ этихъ могилъ съ погнувшимися крестами. Не плывутъ лодки на этомъ пустынномъ озерѣ. Душа художника отразилась въ печальной картинѣ.

Замѣчательнымъ также художникомъ былъ А. И. Куинджи (1842—1910). Онъ удивительно передавалъ свѣтъ солнца и въ особенности луны. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не чувствуется глубокая ночь на его картинѣ «Ночь на Днѣпрѣ». Черная почти ночь... Луна вышла изъ-за тучъ и ярко освѣщаетъ землю. Ея свѣтъ борется съ тьмою, которая не хочетъ уступать ему.

Серебромъ залита могучая рѣка, на берегу которой пріютилось нѣсколь- ко малороссійскихъ хатъ. Тихо —

тихо кругомъ. Все спитъ, и только сама ночь не спитъ, очаровывая насъ своей красотой...

Бесѣда десятая.

В. М. Васнецовъ, М. В. Нестеровъ,
И. Е. Рѣпинъ.

Среди русскихъ художниковъ, прославившихъ русское искусство по всему міру, надо особенно пом- нить имена В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и И. Е. Рѣпина.

В. М. Васнецовъ (род. 1848 г.) из- вѣстенъ, съ одной стороны, какъ художникъ религіозной живописи, знаменитый своей росписью Влади- мирскаго Собора въ Кіевѣ, а съ другой, — какъ изобразитель рус- ской старины, именно сказочной и былинной.

Этотъ художникъ полонъ націо- нальнаго русскаго духа. Онъ так-

себѣ, какъ нѣжная и любящая мать. Она закрыла глаза, погружившись въ свои мысли. Дѣва Марія полна печали. Она предвидитъ страданія Своего Божественнаго Сына. Мла- денецъ нѣжно прижался къ Ней. Онъ серьезенъ не по лѣтамъ.

Въ Владимирскомъ Соборѣ В. М. Васнецовъ нарисовалъ колоссаль- ный образъ Богоматери, вышиною въ 4 сажени. Онъ помѣщается на стѣнѣ алтаря. Тамъ Богородица, окруженная ангелами, идетъ какъ бы на облакахъ, неся къ людямъ Св. Младенца.

Ф. Васильевъ. Мокрый лугъ.

же глубоко-религіозный человекъ. Онъ поставилъ своею цѣлью выра- зить въ картинахъ все истинно-на- ціональное, какъ проявилось по- слѣднее въ православной религіи и той исторіи, которую, собственно говоря, нельзя назвать исторіей, а временемъ сказокъ и былинъ.

Прекрасны его религіозныя кар- тины. Вотъ, напр., «Богоматерь». Какъ царица небесная, Она сидитъ на тронѣ, но всѣ Ея мысли и чувства отданы Св. Мла- денцу, котораго она прижимаетъ къ

Много также нарисовалъ В. М. Васнецовъ русскихъ богатырей. Красива его картина «Три бога- тыря». Посерединѣ «могучій» ка- закъ, крестьянскій сынъ, Илья Му- ромецъ. По его правой рукѣ — До- брыня Никитичъ, а по лѣвой — Алеша Поповичъ. Богатыри стоятъ на стражѣ. Они зорко всматрива- ются, не видѣются-ли враги... По- зади ихъ — Святая Русь, которую они охраняютъ.

М. В. Нестеровъ (род. въ 1862 г.), подобно В. М. Васнецову, работалъ

также въ двойной области: религиозной и историко-бытовой. Однако онъ совершенно не похожъ на своего современника. У него на картинахъ царствуетъ исключитель-

зывается въ бытовомъ - историческомъ жанрѣ. На весь міръ прогрессивла его знаменитая картина «Запорожцы пишутъ отвѣтъ турецкому султану», который требуетъ отъ

И. Левитанъ. Надъ вѣчнымъ покоемъ.

ная мягкость, покорность, какое-то молчаніе, нѣжность.

Посмотрите на эту маленькую картинку «Отшельникъ» (см. рис.). Пустынный тихій пейзажъ. Вокругъ лѣса. У чистаго прозрачнаго озера сидитъ отшельникъ-монахъ и ловитъ рыбу. Глазъ не хочется оторвать отъ этой чудесной картины, жаль разставаться съ ея радостно-спокойнымъ настроеніемъ.

Въ первомъ № «Юнаго Читателя» помѣщена картина Нестерова «Юность Св. Сергія». Онъ въ лѣсу. Его окружаютъ березки, такія же чистыя, свѣтлыя, какъ Св. Сергія, любовью привлекшій къ ногамъ своимъ медвѣдя. И здѣсь царствуетъ покой, миръ, но къ нимъ примѣшивается еще нѣжность самого облика Св. Сергія.

И. Е. Рѣпинъ считается величайшимъ русскимъ художникомъ (род. въ 1844 г.). Живетъ сейчасъ на своей виллѣ въ Финляндіи. Несмотря на свою глубокую старость, — ему 92 г., — онъ продолжаетъ работать. По характеру своего таланта, онъ реалистъ, и особенно сила его ска-

нихъ покорности. Всѣ они хохотать, подсказывая писарю, что именно писать султану. Имъ смѣшно, что отъ нихъ требуютъ покорности. Великій художникъ изобразилъ на картинѣ всѣ оттѣнки смѣха, начиная съ осторожной улыбки однихъ и кончая громкимъ раскатистымъ смѣхомъ. Разберитесь внимательно въ этой картинѣ, въ выраженіи всѣхъ лицъ, и вы непременно замѣтите, какъ одинъ видъ смѣха одного запорожца не похожъ на другой, какъ всѣ различно они смѣются

На этомъ мы и заканчиваемъ нашъ общій курсъ бесѣдъ по Исторіи русскаго искусства. Вы теперь знаете, когда началось искусство на Руси, какимъ оно было въ старину, какъ начало понемногу развиваться, какой имѣло характеръ до Петра Великаго и послѣ него, какіе у насъ появились художники и что они создали.

Въ послѣдующихъ номерахъ «Юнаго Читателя» мы будемъ помѣщать одну-двѣ картины какихъ-

нибудь знаменитыхъ русскихъ художниковъ и станемъ бесѣдовать по поводу только этихъ картинъ, но уже подробнѣе. Будемъ стараться понять, почему мы считаемъ эти

картины прекрасными, почему ихъ хвалятъ, а русское искусство гордится именами художниковъ, нарисовавшихъ такія картины.

М. В. Несторовъ. Отшельникъ.

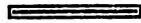
Вечеръ въ полѣ.

Пали тѣни на поляны,
Затуманилась рѣка,
Стали ярки и багряны
Жемчужины — облака.

Пробѣжалъ дорогой пыльной
Лошадей табунъ домой;
Вьется въ воздухѣ вечернемъ
Комаровъ и мошекъ рой.

И въ борьбѣ съ дыханьемъ зноя
Сумракъ кутаетъ поля,
Влаги жаждетъ и покоя
Утомленная земля.

Виталій Вячеславскій.

Силуэты русских дѣтей.

Изъ записокъ учителя - эмигранта.

Малаецъ.

Мальчикъ сразу обратилъ на себя вниманіе. На экзаменахъ его спрашивали: «ты въ первый?» — Да. — «Ну, иди отвѣчать». — Я не знаю. — «Не проходилъ?» — Нѣтъ. — «Иди спать». Преподаватели улыбались, мальчикъ удивленно оглядывался по сторонамъ и уходилъ.

Послѣдній экзаменъ былъ по языкамъ. Новичокъ оживился и приготовился писать сочиненіе. «Тебѣ не нужно, не мѣшай, уходи!» Онъ опять удивился и заковылялъ къ двери. Черезъ нѣсколько дней все выяснилось. Миша одинъ годъ учился у англичанъ, два года у голландцевъ, полгода у нѣмцевъ — и всюду былъ первымъ ученикомъ. Онъ повторилъ англійскія стихотворенія, исторію Голландіи и нѣмецкую географію. Его спросили молитвы, русскую грамматику и предложили рѣшить задачу. Но что такое аршинъ? Пришлось устраиваться на маленькой партѣ съ пригостишками. Скоро его прозвали Малайцемъ. По вечерамъ просили рассказывать. Миша родился въ Петроградѣ, изъ Владивостока попалъ въ Японію, отгуда на о. Яву. Тамъ училъ малайцевъ уму-разуму.

«Они такіе глупые, думали, что всѣ бѣлые — голландцы, я имъ про Россію объяснилъ. Теперь все, что надо, знаютъ, кромѣ санокъ, потому снѣга никогда не видѣли. Ихъ учитель палкой билъ, а меня не трогалъ. Послѣ уроковъ купались. Купаться у насъ нужно за шлюзомъ. Дальше рестораны, а около нихъ всегда крокодилы. Одна малайка насъ не послушалась, пошла туда, — ее крокодилъ и съѣлъ, только полосатая юбка мелькнула. Крокодила сразу не увидишь, онъ весь въ водѣ; только черное полѣно болтается, это — голова, вотъ когда зубами щелкнетъ, тогда смерть. Самое интересное на Явѣ — ѣда. Всегда фрукты, вкусные, здѣсь такихъ нѣтъ. На обѣдъ мо-

жно свинину покупать у китайцевъ, только кухарка-малайка жарить не будетъ, боится. Мы кошку свиной у дѣвочки накормили, — очень сильно плакала. Очень у насъ дома на Явѣ хорошо, лучше Токио, папа тамъ и остался. Сказалъ: «сдѣлайся въ гимназіи русскимъ, тогда опять приѣдешь, только не скоро». Я въ каждомъ письмѣ спрашиваю, когда вернуться можно будетъ. Малайцы и голландскіе мальчики тоже меня ждуть, опять будемъ играть. Они сами не умѣютъ, всѣ тихіе, не бѣгаютъ, потому жарко очень и всегда днемъ спятъ. Я уже палѣ по-русски теперь пишу, только, если трудно что, — по-англійски. Голландскія и нѣмецкія книги я всѣ привезъ. Ужасно смѣшно все учить по-разному».

Черезъ недѣлю мы опять встрѣтились съ Малайцемъ. Онъ весело игралъ съ мальчиками, смѣшно присѣдалъ и бѣгалъ, какъ-то странно всплескивая руками. Всѣ его движенія были такъ странны, что одинъ изъ старшихъ гимназистовъ не удержался и крикнулъ: «Послушай, Миша, ты настоящая обезьяна!» Мальчикъ обидѣлся и началъ запыхавшись оправдываться: «Я совсѣмъ не похожъ, а вотъ у насъ малайка забыла дѣвочку въ лѣсу, ее нашли черезъ 17 лѣтъ у обезьянъ. Я съ сестрой ходилъ смотрѣть. Сидитъ въ клѣткѣ, кусается. Ей дали зеркало, она долго смотрѣла, потомъ дала своей приѣмной матери, та какъ зарычить... Говоритъ не умѣла, а обезьяны ее понимали и слушались».

Прошелъ годъ. Сейчасъ Малаецъ и у насъ первый ученикъ. Его любятъ одноклассники.

Что-то ждетъ этого бойкаго и веселаго просвѣтителя малайцевъ? Сколько русскихъ дѣтей бросаетъ сейчасъ судьба по бѣлому свѣту? Гдѣ ихъ нѣтъ?...

Валерій Левитскій.

Кашалоты и охота за ними.

Очерк Л. Грендота.

Кашалотъ или спермъ-китъ—второе по величинѣ (послѣ кита) животное на землѣ.

Несмотря на давнія наблюденія за кашалотами и моряковъ и людей науки, очень многое въ жизни кашалотовъ остается невыясненнымъ. Незавѣстно, напримѣръ, сколько лѣтъ живетъ кашалотъ, и гдѣ онъ проводитъ зиму, когда сплошной ледъ покрываетъ воды, въ которыхъ онъ водится.

Древніе китобои не знали кашалотовъ.

Перваго кашалота (мертваго, выброшеннаго на берегъ) увидѣли поселенцы острова Нью-Фаундленда въ 1642 году. Первый же охотникъ, убившій кашалота, былъ Христофоръ Гуссей.

Тѣло кашалота, какъ и тѣло кита, облегаетъ толстый, доходящій до 9 дюймовъ въ толщину, слой жира. Въ головѣ же находится огромный запасъ жидкаго жирового вещества—спермацета.

Оригинально устройство органа слуха у кашалота: на головѣ, позади глазъ, у него находятся два отверстія, такихъ маленькихъ, что въ нихъ съ трудомъ можно просунуть карандашъ. Однако, несмотря на такія маленькія ушныя отверстія, кашалотъ слышитъ удивительно хорошо, потому что въ черепѣ животного находится огромная кость, приспособленная для слуха.

Стукъ весла въ уключинѣ шляпки въ тихую погоду слышитъ кашалотъ за 2 мили, а оборотъ винта пароваго судна даже за 15. Услышавъ

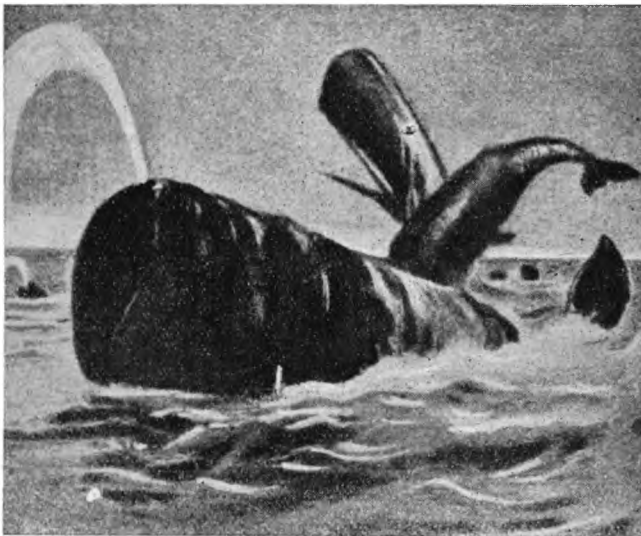
У кашалота одна ноздря, черезъ которую онъ дышитъ, когда всплываетъ на поверхность воды, и которая закрывается наглухо при погруженіи животного въ воду. Клапанъ, закрывающій ноздрю животного, обладаетъ очень большою прочностью и крѣпостью, такъ что сила давленія въ 1400 фунтовъ воды не можетъ открыть его. Трудно сказать, можетъ ли это небольшое, почти всегда закрытое отверстіе служить органомъ обонянія.

Плохо видящій и обоняющій, гигантъ-кашалотъ долженъ бы вести жалкую и убогую жизнь, если бы не довольно большія умственныя способности, которыми онъ обладаетъ.

Огромная спермацетовая масса въ головѣ кашалота даетъ возможность его огромному тѣлу быстро двигаться въ глубинахъ моря и легко всплывать на поверхность воды такъ, чтобы отверстіе для выпусканія воды непосредственно соединялось съ воздухомъ.

Спермацетъ, наполняющій голову кашалота, представляетъ собой жидкое вещество, которое послѣ смерти животного очень скоро дѣлается плотнымъ и бѣлымъ, какъ воскъ.

Мозгъ животного, по сравненію съ его ростомъ, поразительно малъ, не больше, чѣмъ мозгъ быка, хотя кашалотъ, по меньшей мѣрѣ, разъ въ полтораста больше самаго крупнаго быка. Тотъ же самый относительно малый раз-

Играющіе кашалоты.

приближающійся шумъ, кашалотъ предупреждаетъ о грозящей опасности своихъ товарищей.

Такъ же малы, какъ уши, и глаза кашалота. Они не больше, чѣмъ глаза быка и совершенно не соответствуютъ огромной величинѣ животного. Трудно представить себѣ даже, какъ кашалотъ можетъ что-либо видѣть такими слабыми и ничтожными органами зрѣнія.

мѣръ мозга сравнительно съ величиной тѣла встрѣчается у слона, что не мѣшаетъ ему, однако, быть однимъ изъ смысленѣйшихъ созданій на всемъ земномъ шарѣ.

Привлекаетъ вниманіе и своеобразно-устроенный ротъ кашалота. Нижняя челюсть очень узкая, длинная, оканчивающаяся крѣпкой костью, имѣющей 1 футъ въ окружности и входящей

почти вплотную во впадину огромной верхней губы, когда рот кашалота бывает закрыт, что, впрочем, случается очень рѣдко и очень ненадолго, не больше, какъ на минуту-двѣ. Чтобы закрыть ротъ, кашалотъ долженъ перевернуться вверхъ брюхомъ и дѣлаетъ это, несмотря на свой огромный ростъ, буквально съ быстротой молніи. Когда ротъ закрывается, острые и крѣпкіе зубы нижней челюсти плотно входятъ въ особо-приспособленные для нихъ гнѣзда верхней. Кашалотъ обыкновенно плаваетъ съ широко-открытой подъ угломъ въ 45 градусовъ длинной челюстью и среди темныхъ водъ океана ярко свѣтится жемчужно-бѣлая кожа, обтягивающая внутренность рта животнаго. Главную пищу кашалота составляютъ нѣжные мягкотѣные обитатели морскихъ глубинъ. Когда морской гигантъ подходит къ плывущему ему навстрѣчу стаду микроскопическихъ животныхъ, онъ быстро забираетъ въ ротъ огромное количество рыбокъ, рачковъ и другихъ морскихъ жителей и становится въ водѣ въ перпендикулярномъ положеніи, такъ что его голова и верхняя часть туловища находятся внѣ воды, въ воздухѣ, и проглатываетъ пищу.

Кашалотъ, подобно киту, плаваетъ обыкновенно въ сопровожденіи нѣсколькихъ самокъ и молодыхъ кашалотовъ, дѣтенышей. Кашалотъ-самецъ гораздо больше и длиннѣе самокъ, почти въ два раза. Самки кита удивительно привязчивы и съ большой заботливостью относятся и къ вожжаку. Куда бы онъ ни плылъ, не покидаютъ его ни на шагъ. Тѣмъ страннѣе является то обстоятельство, что самки кашалота не имѣютъ никакой привязанности и любви къ своимъ дѣтенышамъ, даже только что родившимся, и покидаютъ ихъ при первой опасности, нѣрѣдко оставляютъ на распоряженіе хищникамъ-акуламъ. Вожжакъ-кашалотъ страшно ревниво относится къ

своимъ самкамъ и часто вступаетъ изъ-за нихъ въ борьбу съ соперниками, въ борьбу часто кровавую и смертельную. Нѣрѣдко, встрѣтивъ взрослого кашалота, плавники котораго разорваны въ ключья — это слѣдъ отъ его битвы съ соперникомъ. Никогда ни одинъ кашалотъ не уступитъ по доброй волѣ своей роли вожжака надъ стадомъ самокъ. И нѣрѣдко одинъ и тотъ же кашалотъ въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ гуляетъ въ сопровожденіи все тѣхъ же самокъ. Послѣ битвы, часто длящейся цѣлыя сутки, побѣдитель становится во главѣ стада, а побѣжденный болѣе слабый соперникъ, у котораго отбиты его самки, не заводитъ уже себѣ новаго стада, а остатокъ жизни проводитъ одинокимъ, покинутымъ всѣми отшельникомъ.

Страшно смотрѣть, когда два гиганта съ раскрытыми пастами выпрыгиваютъ изъ воды и набрасываются другъ на друга, стараясь схватить одинъ другаго острыми крѣпкими зубами въ нижнюю челюсть...

Какъ я уже упоминалъ, спермацетъ очень дорого цѣнится, особенно потому, что его нелегко добыть, такъ какъ кашалоты очень рѣдко попадаютъ охотникамъ-китобоямъ.

Кромѣ того, охота за ними представляеть болѣе опасное занятіе, чѣмъ охота за китами. Въ тѣ недавнія еще времена, когда охотились ручными гарпунами, нѣрѣдки были случаи нападеній кашалотовъ на китобойныя лодки. Раненый кашалотъ-самецъ однимъ движеніемъ челюстей дробилъ въ щепы лодку, обрекая на гибель ея экипажъ.

Мнѣ самому пришлось видѣть въ 1903 году, какъ кашалотъ ударомъ хвоста подбросилъ на 2—3 сажени вверхъ тяжелую шлюпку съ 8 гребцами и гарпунщикомъ и потомъ перегрызъ челюстями уже разбитое суденышко, упавшее обратно въ воду.

Нападеніе кашалота на лодку.

РАДИО.

Радио-железная дорога эфира.

1. Про водяные и другие волны.

Если в безветренный день вы бросите камень на поверхность озера, вы увидите ясно, что вокруг места, куда упал камень, возникнут круги, которые будут разбегаться все увеличиваясь. Если озеро очень велико, эти круги пропадают, не достигнув берега. Бросив же предварительно в воду ряд пробок, вы заметите, что эти пробки подымаются и опускаются от движения волн, точно танцуют.

Когда мы, например, ударяем в колокол, этим неожиданным движением мы приводим в сотрясение воздух, точно так же, как упавший в воду камень приводит в сотрясение воду.

Сотрясение вызывает в воздухе цепную систему волн, которая так же движется расширяясь, как кольца на водяной поверхности, с той только разницей, что волны в воздухе невидимы нашим глазом. Когда подобная волна достигает нашего уха, она ударяется в барабанную перепонку и происходит то, что мы «слышим». Это есть передача звука волнами. Но этот способ передачи имеет много недостатков, потому что, если мы хотим быть услышанными кем-либо, кто удален на большое расстояние от нас, например, нашим спутником, оставшимся от нас в дороге, мы должны кричать во все горло для того, чтобы он что-либо услышал. На большом расстоянии и крик становится безцельным, потому что большое воздушное расстояние как бы проглатывает звук, в нем исчезают образовавшиеся воздушные волны, и, если между кричащим и его спутником находится лес, звук пропадет и при малом расстоянии: воздушные волны не могут преодолеть встречающиеся на их пути препятствия.

Попробуем представить себе вместо звуковых волн световые лучи. Для примера возьмем передачу сигналов солнечным светом или зеркалом, а также принятое у моряков сигнализирование флажками.

Мы должны принять во внимание, что световые лучи приводят в движение волны, если не в воздушном пространстве, как звук, о котором мы только что говорили, то в «эфире». Эфир, это — мировой деятель, невидимая материя, которая так же, как и воздух, заполняет пространство и существует повсюду, в порях каждого живого организма, а также в том мировом пространстве, в котором уже нет воздуха. Этот эфир гораздо труднее привести в движение, чем воздух или воду.

Те способы, которые годятся для образования волн в воде и воздухе, не годятся для эфира. Но зато каждый источник света может вызвать к жизни эти волны. Когда он появляется, он пробегает беспрепятственно громадные пространства; этим объясняется то, что мы видим звезды, часто настолько удаленные от нас, что бывает очень трудно изобразить в мерах длины громадное расстояние, отделяющее нас от видимых нами звезд. Но видим мы эти звезды лишь тогда, когда эфирные волны, от них исходящие, достигают наших глаз.

Теперь у нас две возможности передачи: мы можем пользоваться звуковыми волнами, тогда мы должны непосредственно передавать слова, но должны ограничиться небольшими расстояниями; другая возможность — свет; в этом случае расстояние не играет никакой роли, но мы должны довольствоваться сигналами, вместо слов, что очень неудобно.

Постараемся найти третью возможность, устраняющую недостатки первых двух передач. Возможность эту мы будем искать в эфирных волнах, потому что он пригоден для большого расстояния. Эфирных волн множество, и он так же, как звуковые воздушные волны, различаются по количеству движений, производимых в секунду (вспомним, что пробки на воде могут танцевать быстрее и медленнее).

II. Свѣтовой рояль.

Различнымъ тонамъ звука въ области свѣта соотвѣтствуютъ различныя краски, и если мы вообразимъ свѣтовой рояль, въ которомъ свѣтъ, т. е. «тона» его такъ же будутъ расположены, какъ тона въ настоящемъ роялѣ, то-есть по числу производимыхъ колебаній (число движениій эфирной волны въ секунду), то цвѣта радуги, напримѣръ, будутъ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый; все это составляетъ октаву. Но наша свѣтовая клавиатура далеко этимъ не ограничивается. Эта октава составлена изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые мы воспринимаемъ нашимъ сознаниемъ, то-есть лишь эти цвѣта мы умѣемъ видѣть. Но по другую сторону фіолетоваго цвѣта лежатъ такъ называемые «ультра-фіолетовые» лучи, которые нашъ глазъ не видитъ, но которые, какъ намъ извѣстно, служатъ причиной нашего загаранія на солнцѣ. Также извѣстны рентгеновскіе лучи, которые имѣютъ столь распространенное примѣненіе въ медицинѣ. По другой сторонѣ видимой октавы, за краснымъ цвѣтомъ, лежатъ лучи, которые опредѣляются, какъ электрическія волны; это тѣ же лучи, которые исходятъ отъ искръ маленькой электрической машины. Эти волны движутся сравнительно медленно (примѣрно, 100 колебаній въ секунду; видимый же свѣтъ производитъ это движеніе билліоны разъ въ секунду). Но электрическія волны бѣгутъ много дальше, чѣмъ свѣтъ, и не проглатываются воздухомъ; онѣ проходятъ также черезъ твердыя тѣла, только не черезъ металлы. Такимъ образомъ, онѣ могутъ совершать длинный путь, не боясь препятствій. Неудобны онѣ лишь тѣмъ, что ихъ трудно получить, чѣмъ свѣтотыя волны, и что ихъ нельзя видѣть и ощущать иначе, какъ при помощи особенныхъ аппаратовъ («электрическихъ глазъ»).

Такой «глазъ» можно очень просто соорудить. Наполняютъ маленькую, съ двухъ сторонъ открытую стеклянную трубку маленькими винтиками или желѣзными опилками и закрываютъ двумя пробками, черезъ которыя продѣвается проволока, достигающая содержимаго трубки. Этотъ «когереръ» или радіокондукторъ включаютъ въ проводку элек-

трическаго звонка. Звонокъ звучитъ тогда, когда когереръ встрѣчается съ электрической волной; это можетъ легко произойти, если на другомъ концѣ комнаты привести въ движеніе маленькую электрическую машинку. При каждой искрѣ отъ нея исходятъ волны, которыя «когереръ» принимаетъ и даетъ намъ о нихъ знаніе сигналомъ.

III. Эфирная желѣзная дорога.

Въ большомъ масштабѣ получаютъ эти волны другимъ образомъ, а именно при помощи большихъ электрическихъ машинъ, которыя безостановочно шлютъ электрическія волны (искры слѣдуютъ одна за другой). Если машина достаточно сильна, то можно послать такія волны по всему земному шару, такъ что самыя отдаленныя пункты могутъ получить посылаемые сигналы, — для этого правильное и равномерное теченіе волнъ прерываютъ черезъ различныя, заранѣе условленныя промежутки. Этотъ приемъ примѣняется при пользованіи «беспроволочнымъ телеграфомъ».

Если же хотятъ передать разговоръ, а не только одни сигналы, тогда надо озаботиться тѣмъ, чтобы эти эфирныя волны прихватили съ собой звуковыя. Такимъ образомъ эфирныя волны играютъ роль желѣзной дороги, которая, на мѣстѣ отправления звуковыхъ волнъ, прихватываетъ ихъ съ собой, точно пассажировъ, а на мѣстѣ приѣма звуковъ особымъ приемникомъ — выпускаетъ ихъ.

Первое достигается при помощи особаго аппарата «микрофона» такъ же, какъ это происходитъ при пользованіи обыкновеннымъ телефономъ.

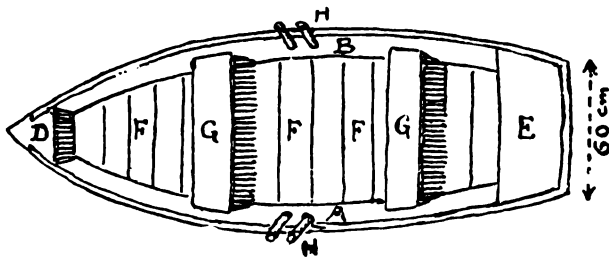
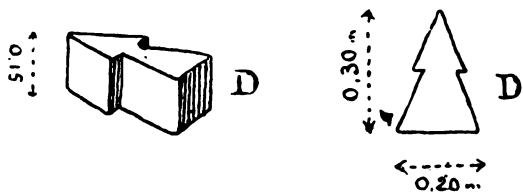
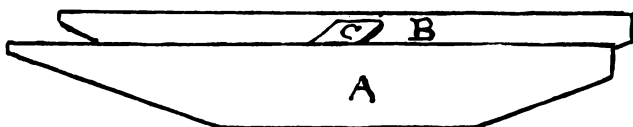
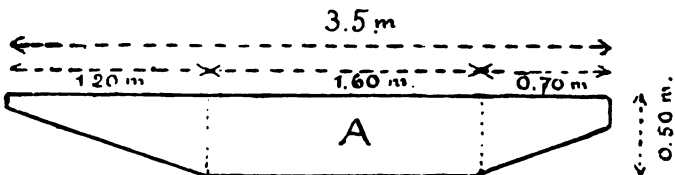
Электрическая машина, доставляющая намъ эфирныя волны, соединяется съ микрофономъ, собирающимъ звуковыя волны, и забираетъ ихъ съ собой.

Принятый пассажиръ, въ видѣ звуковыхъ волнъ, ѣдетъ дальше, туда, гдѣ его желаютъ принять при помощи «детектора», въ который включаютъ спеціальныя «наушникъ», тотъ же телефонъ. Желѣзная чувствительная пластинка этого телефона (мембрана) воспринимаетъ точно всѣ колебанія воздуха, какъ они были переданы на мѣстѣ отправления звуковыхъ волнъ.

Самодѣльная лодка скаута.

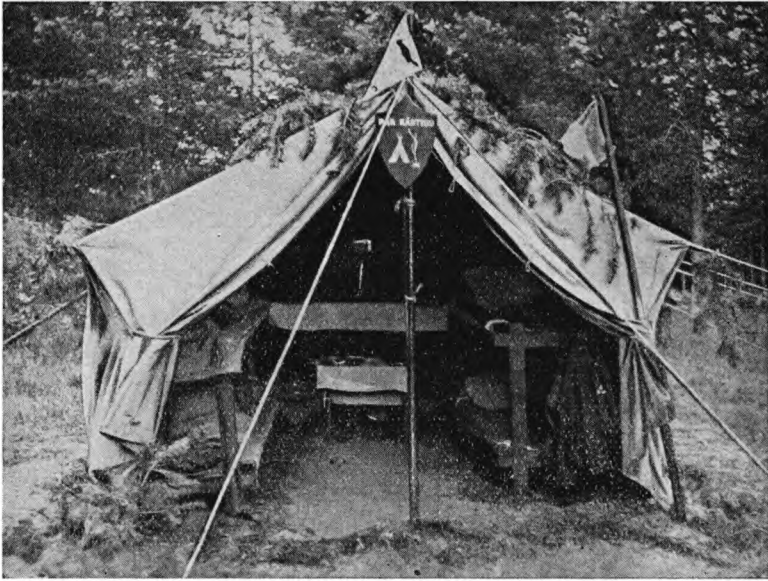
Двѣ доски, А и В, указанных на чертежѣ размѣровъ и формы, скрѣпляются посрединѣ поперечной дощечкой С и привинчиваютъ къ этимъ частямъ. Затѣмъ лодку переворачиваютъ и привинчиваютъ доски дна (Ф,Ф,Ф). Щели за-

другой, болѣе короткой. Изъ крѣпкаго дерева выпиливаютъ часть Д для носа лодки и доску для кормы. Обѣ боковыя доски (толщина ихъ 2 см.) изгибаютъ и

бываютъ паклей и, если нужно, заливаютъ смолой. Остается лишь прибить доски ГГ для сидѣнія и деревянные уключины НН.

Скауты въ лагерѣ.

Палатка, получившая премію „rag kartibu“.

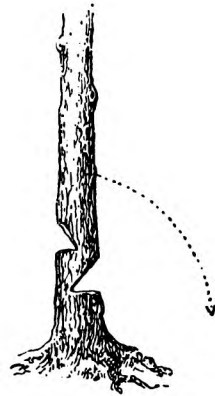
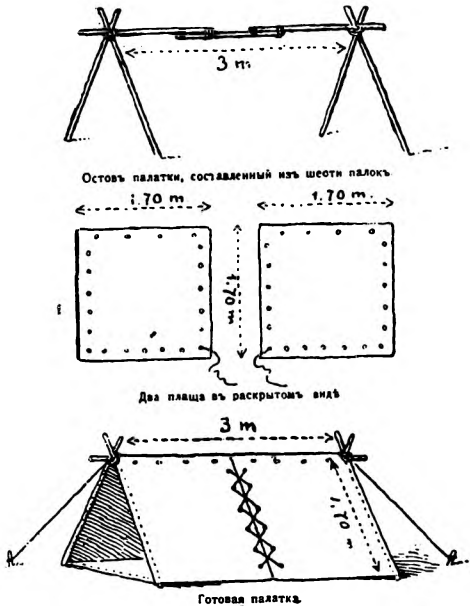
Палатка изъ шести палокъ и шести плащей.

Каждый скаутъ носить при себѣ плащъ изъ квадратнаго куска непроницаемой матеріи съ продѣланными по краямъ

человѣкъ. Устройство и размѣры такой палатки видны изъ прилагаемыхъ чер-тежей.

Какъ срубить дерево?

Скауты должны умѣть и это, такъ какъ въ ихъ бивуачной жизни приходится са-мому заготавливать древесные стволы. Простѣйшій способъ свалки дерева со-стоитъ въ томъ, что сначала подрубаютъ его топоромъ съ одной стороны, затѣмъ съ противоположной, немного выше;

петлицами. При нуждѣ, эти плащи идутъ на приготовленіе просторной палатки, въ которой могутъ ночевать шесть

дерево, подъ дѣйствіемъ собственной тя-жести, падаетъ въ ту сторону, гдѣ сдѣ-лана нижняя зарубка.

Юбилейныя итальянскія марки.

Въ Италіи въ этомъ году, въ честь Виргилія, будутъ выпущены марки съ изображеніемъ поэта и двухъ музъ, взятыхъ со старинной мозаики. Кромѣ того, годовщина смерти чтимаго всеми итальянцами святого Франциска изъ Ассизи, будетъ ознаменована выпускомъ марокъ съ годами 1226—1926, и съ изображеніемъ святого; два вида марокъ явятся воспроизведеніемъ старыхъ художниковъ; три другихъ вида будутъ нарисованы современными художниками.

Южно-африканскій союзъ.

Новыя треугольныя марки.

Въ Южной Африкѣ выпущены напечатанныя въ Лондонѣ марки въ честь южно-африканскаго союза. Интересны треугольныя марки съ аллегорическимъ изображеніемъ Надежды (въ честь мыса Доброй Надежды).

Конкурсъ юнаго филателиста.

Начиная съ 13 номера «Юнаго Читателя», въ нашемъ журналѣ будутъ печататься изображенія почтовыхъ марокъ. Предлагаемъ всемъ желающимъ принять участіе въ конкурсѣ вырѣзывать эти марки и прислать редакціи къ сроку, который будетъ объявленъ особо. Между лицами, приславшими наибольшее количество такихъ марокъ, будутъ распределены преміи, состоящія изъ альбомовъ, цѣнныхъ серій марокъ и принадлежностей для коллекционирования.

Подробныя условія конкурса въ № 13 «Юнаго Читателя».

Почтовый ящикъ.

Иос. Сколису. Отвѣтъ на вашъ вопросъ отчасти имѣется въ № 4, гдѣ указано, что коллекционеры марокъ легко могутъ почерпнуть при собираніи марокъ много свѣдѣній энциклопедическаго характера. Въ Америкѣ и Чехіи педагоги пользуются склонностью учениковъ къ собиранію марокъ для пополненія знаній по исторіи, географіи и естественнымъ наукамъ. Наконецъ, собираніе марокъ, если имъ заниматься серьезно, является не менѣе интереснымъ занятіемъ, чѣмъ собираніе монетъ, автографовъ и т. п., но не сопряжено, съ такими большими расходами. Если собирать терпѣливо и не разбрасываться, то легко, безъ всякихъ затратъ, собрать хорошую коллекцію одной, или нѣсколькихъ странъ. Для примѣра, могу вамъ разсказать случай изъ недавняго прошлаго. Черезъ Ригу проѣхали изъ Екатеринославской губерніи два мальчишки-сироты. Послѣ дѣдушки-менонита имъ остался въ наслѣдство альбомъ старыхъ марокъ. Альбомъ пролежалъ въ какомъ-то сундукѣ нѣсколько лѣтъ, но во время наступившаго въ губерніи голода о немъ вспомнили и спросили про марки свѣдущаго человѣка. Оказалось, что старая коллекція стоила не меньше 100 тыс. американскихъ долларовъ, и на эти деньги дѣти-сироты уѣхали въ Америку, гдѣ могутъ получить хорошее образование и ни въ чемъ не нуждаться. Попробуйте и вы собирать, если не для себя, то для вашихъ правнуковъ. Вѣдь черезъ сто лѣтъ многія марки нашего времени станутъ рѣдкостью, такъ какъ громадное число ихъ погибнетъ и исчезнетъ.

Страничка юмора.

Не любо—не слушай, а врать не мѣшай.

— Вообразите себѣ, господа, что со мной случилось во время моего лѣтняго турне, — началъ свой рассказъ одинъ гимнастъ и атлетъ въ кругу почитателей. — Пришлось мнѣ побывать въ городѣ X. Тамъ высокая башня съ часами. Какъ не взобраться на нее, чтобы полюбоваться чуднымъ видомъ.

Я полетѣлъ внизъ.

Я, конечно, полѣзъ. Видъ восхитительный. Чтобы лучше рассмотреть все, я, совсѣмъ забывшись, немного перегнулся изъ окна и полетѣлъ внизъ.

Проводникъ кричитъ, а я лечу. Миновалъ уже первый выступъ и поравнялся съ часами. Тутъ у меня блеснула съ быстротой молніи спа-

Я ухватился за стрѣлку.

сительная мысль. По моимъ соображеніямъ, должно было быть тринадцать минутъ двѣнадцатаго. Стало - быть, большая стрѣлка должна

Я согнулъ стрѣлку.

стоять почти горизонтально, и я спасенъ, если мнѣ удастся схватиться за нее. Конечно, я сообразилъ все это въ миллионную долю секунды. Одно движеніе — и я ухватился за стрѣлку! Отъ моей тяжести она, правда, немного подвинулась впередъ, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, было за что удержаться. Я быстро усѣлся на нее и началъ раздумывать, что дѣлать дальше.

Я продолжалъ обозрѣвать окрестности.

Помощи нельзя было ожидать ранѣ четверти часа; тѣмъ временемъ стрѣлка, подвигаясь впередъ, должна была стать почти вертикально, и мое положеніе сдѣлалось бы затруднительнымъ. Какъ я ни кричалъ вверхъ и внизъ, чтобы часы остановили, никто меня не слышалъ, а само собой никому въ голову не пришло сдѣлать это. И тутъ меня осѣнила счастливая мысль. До сихъ поръ меня спасала моя гимнастическая

Мнѣ бросили веревку.

ловкость, теперь надо было пустить въ ходъ всю свою силу. Я подвинулся, насколько считалъ благоразумнымъ, къ кончику стрѣлки, схватилъ его и сильнымъ движеніемъ согнулъ на пятьдесятъ-шестьдесятъ сантиметровъ впередъ подъ прямымъ угломъ къ циферблату.

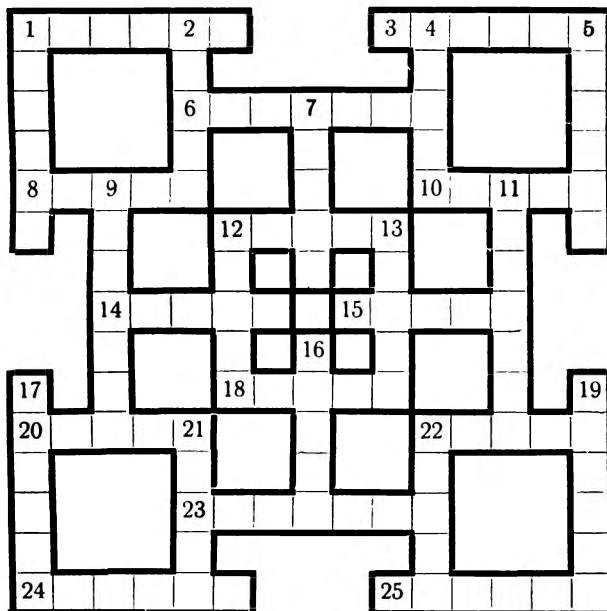
Послѣ того я усѣлся верхомъ на образовавшемся крючкѣ, прислонившись спиной къ циферблату, и могъ спокойно ждать. Сколько ни двигалась стрѣлка впередъ, я постоянно, какъ „ванька-встанька“, находился въ вертикальномъ положеніи и даже могъ продолжать съ помощью оставшейся при мнѣ подзорной трубы прерванное обозрѣніе окрестности.

Въ сорокъ три минуты двѣнадцатаго, наконецъ, мнѣ спустили сверху веревку, по которой я благополучно снова взобрался на колокольню. Только предварительно, не желая вводить церковное управленіе въ убытокъ починкой стрѣлки, я ее выпрямилъ, что мнѣ не трудно было сдѣлать, такъ какъ она снова приняла горизонтальное положеніе.

КОНКУРСЪ.

Задача № 31.

Крестъ-накрестъ:

Знаки Ъ и Ы опущены; буква Ъ замѣнена Е; вмѣсто І — И.

Значеніе словъ въ горизонтальномъ направленіи:

1. Дѣйств. лицо изъ оперы „Травиата“.
8. Молочный продуктъ.
6. Рѣка, извѣстная благодаря переходу Цезаря.

8. гор. Ярославск. губ., мѣсто трагедіи 15 мая 1591 г.

10. Голенастая птица.
12. Русская газета въ Ригѣ.
14. Потокъ воздуха.
15. Крѣпкій напитокъ.
18. Кладовая.
20. Архіерейская шапка.

22. Похищеніе.
23. Съемщикъ шкуръ съ палыхъ животныхъ.
24. Тупая шпага.
25. Знаменит. греческій философъ.

Значеніе словъ въ вертикальномъ направленіи:

1. Бурмитское зерно.
2. Большое дерев. кольцо.
4. Брачный уборъ.
5. Манчжурская трава.
7. Человѣкъ, пристрастный къ картамъ.

9. Свойство вруна.
11. Дыра въ ткани.
12. Врашающийся вихрь.
13. Самое большое и яркое созвѣздіе.
16. Металлъ.
17. Часть архіерейскаго облаченія.
19. Тонкая ткань.
21. Французск. колонія въ Сѣв. Африкѣ.
22. Процессія экипажей.

Послѣдній срокъ присылки рѣшеній 15 іюля.
Между рѣшившими задачу будутъ рас-
предѣлены 5 премій - сборникъ „Родина“.

Талонъ къ задачѣ № 31.

Послѣдній срокъ отправки этого талона и рѣшенія 15 іюля.

Имя и фамилія

Адресъ

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не рассматриваются.

Издательство „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на 2-ое полугодіе 1926 г.

— на журналъ —
для семьи и юношества

Юный Читатель

12 богато иллюстрированныхъ книжекъ журна-
ла, бесплатное приложеніе: романъ Л. Кормчаго
„Сѣрый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера и
множество премій по конкурсамъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 латъ (300 руб.).
За границей 1 дол. 75 центовъ.

Адресъ редакціи и конторы: РИГА, Вальдемарская улица № 63.
Тек. счетъ на почтѣ 917.

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ внимание русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяць книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ ПО
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премию въ сто латъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 36-12
Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Двухнедѣльн. иллюстрированный литературно-художественн. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкеничъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. № начиная съ № 14 — 50 руб. въ Латвіи, 25 ам. ц. загр. Подписная плата съ 1 марта на 1 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер. На 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 лит., за границей — 50 ам. цент. Подписная плата за комплекты **Январь-Февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., въ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 лит., загр. — 1 дол. 25 цент. **Комплектъ за 1925 г.** — №№ 1—8 высылается: за 6 лат. въ Латвіи, 15 лит. въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу. Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 916“.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету

„Слово“

Издание Акц. Общества „Саламандра“, Рига (Латвія), б. Кузнечная 43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — даетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Африкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацию и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Советской Россіи. * Въ „СЛОВѣ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяцъ, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ „ „

Пріемъ объявленій открытъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ. „Капитанская дочка“ — цѣна 60 сант. (30 руб.)

Вышелъ вып. 2-ой: Н. В. Гоголь. „Тарасъ Бульба“.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 36-12.

ОПТИКА и ВСЬ
принадлежности для фотографин
Рига, Бульв. Аспазии № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во **„ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“** Акц. О-во

уголь Театральной ул. и бульв. Аспазии.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хлѣбина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гришвудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждановъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Иликъ
Истменъ. Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопытъ
Маленькій король
Словникъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофманъ. Шелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковскій. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форелундъ. Зунзунгъ и Зингилъ
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранные рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гединъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Иерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.